

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

СТРАННИК

ПИТЕР НЬЮМАН

Питер Ньюман

Странник

Серия «Трилогия Странника», книга 1
Серия «Шедевры фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64727891

Странник. Книга первая:

ISBN 978-5-17-112246-1

Аннотация

Его зовут Странник. Возможно, когда-то у него было настоящее имя, но теперь его нет. Возможно, когда-то он и говорил, но теперь лишен голоса. В этом разрушенном и сожженном мире, где правят чудовища, мутанты и демоны, где уже давно нет надежды, а люди зачастую не слишком похожи на людей, имена не нужны, а голос может только выдать. Странник ищет Сияющий Город. По слухам, это последний оплот человечества, и именно туда Странник надеется донести оружие, которое сможет переломить ход уже проигранной войны. Но, как это обычно бывает с преданиями, в легенде о Сияющем Городе кроется немало вымысла, а все вокруг превращается в пыль. Цель Странника далеко, и его путь пролегает по миру, где некогда великие цивилизации повержены во прах, повсюду царят хаос и насилие, и где жить куда сложнее, чем умереть.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Восемь лет назад	17
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	76
Глава 9	83
Глава 10	96
Глава 11	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Питер Ньюман

Странник. Книга первая

Посвящается Эм

За то, что освещаешь мой путь

Copyright © 2015 by Peter Newman

All Rights Reserved.

© Аркадий Путилин, перевод, 2021

© Ольга Зимина, Валерия Евдокимова, иллюстрация,
2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Звездный свет отступает перед мощным неоновым сиянием. Яркие вывески, захватившие все возможное пространство, приветствуют всякого прибывшего в Новый Горизонт.

Странник их не замечает, его взгляд сосредоточен на лежащей впереди дороге.

Люди засоряют улицы, словно живые отходы, их глаза ничего не выражают, как и их смех. Голоса нищих умоляют проходящих мимо о подачке, а руки готовы со злостью в них вцепиться.

Странник не обращает на них внимания и продолжает идти, одной рукой он удерживает плащ, наглухо запахнутый у самой шеи.

Оживленные крики созывают толпу впереди. Полукровки и сутенеры, дельцы и зрители сбиваются в разношерстные группы. Посреди улицы возводят платформы, нетвердо держащиеся на собранных из металлолома опорах. Сверху на них стоят клетки. Через прутья видны съежившиеся, дрожащие фигуры тех, кого скоро продадут. Одним посетителям аукцион плоти сулит новых рабов, другим – свежее мясо.

Незамеченный в суматохе, Странник продолжает путь.

Центр Нового Горизонта занимает огромная свалка металлолома, называемая «Железная гора», наследие войны. Ее основой стал раскуроченный остов упавшего небесного

корабля; бывшие на его борту танки и истребители расшвыряло при крушении, отчего у основания горы образовалась кайма из покореженного металла.

Предприимчивые обитатели Нового Горизонта проложили туннели во внутреннем пространстве небесного корабля, обустроили там жилые помещения и магазины, где распродают найденные на нем сокровища. В коридорах висят лампы из обломков металла, их свет расцвечивает тени.

В одном из туннелей лампу заменяет мерцающий неровным бело-металлическим цветом обод. От его тусклого сияния потолок обретает оттенок сгущенного молока.

Странник неуклюже проходит внутрь, согнув ноги, склонив голову и держа спину прямо.

Вдоль стен выставлены стеллажи из гофрированного металла, заставленные бутылками, жестяными банками и тюбиками. Владелец ржавеющей пещеры сидит, сгорбившись, на полу, протирая шприц рваной тряпкой. Он оценивающе смотрит на бродягу воспаленными глазами.

– Новый покупатель?

Странник кивает.

Шприц и тряпка поспешно убираются с глаз долой, желтеющие пальцы трутся друг о друга.

– Приветствую, добро пожаловать. Меня зовут Доктор Ноль. Я полагаю, ты обо мне слышал?

Странник кивает.

– Ну разумеется, слышал, поэтому ты и здесь. Итак, что я

могу тебе предложить? Ты выглядишь усталым. У меня лучший выбор стимуляторов по эту сторону Разлома. А может, ты желаешь отключиться? – Он зазывно, похабно подмигивает.

Все еще держа одну руку на воротнике, Странник пробегает взглядом по полкам. Его янтарные глаза загораются, остановившись на маленькой склянке с выцветшей до монотонной серости этикеткой.

– Ах, разборчивый клиент, – впечатленный, произносит Доктор Ноль. – Редко встретишь того, кто знает, что ищет. Сброд, который чаще всего ко мне здесь заходит, звездную пыль от опилок не отличит. – Он достает склянку и счищает что-то липкое с крышки. – Я полагаю, тот, кто тебя послал, осознает редкость хорошего лекарства... И ценность.

В ответ Странник опускается на колени и достает две платиновых монеты, отправляя их катиться по полу в сторону Доктора.

– Я надеюсь, ты не пытаешься меня надуть, – отвечает Доктор, подхватывая монеты и пальцами сталкивая их друг с дружкой. Монеты дрожат, звон их краткосрочного дуэта заполняет тесное помещение. Оба мужчины молча погружаются на миг в навеянные звуком воспоминания.

Доктор Ноль протягивает монеты к свету, чистота их поверхности резко контрастирует с его желтушной кожей.

– Прошу прощения, – говорит он, быстро передавая склянку Страннику в надежде, что тот не потребует сдачи. –

И если тебе еще что-то понадобится, возвращайся, не мешкая.

Доктор Ноль смотрит Страннику вслед, его пальцы снова и снова сжимаются и разжимаются. Он подбирает шприц и, после недолгого размышления, протыкает иглой палец, морщась от краткого болезненного укола. На кончике пальца появляется капля крови. Он ждет, пока та дорастает до размера небольшой горошины, и после шепчет свое послание.

Странник пробирается к городским воротам, известным тем, что они никогда не закрываются. Демагог, демонический управляющий городом, заявляет, что они всегда открыты в знак того, что Новый Горизонт принимает всех. Это ложь, скрывающая их неисправность. Могучие механизмы, управляющие воротами, недвижимы, их жизненно важные части давно украдены или сломаны.

Крики нищих сливаются с тяжелым боем барабанов, повсюду стоит запах пота. Девчонка, которую жизнь заставила повзрослеть прежде времени, дергает Странника за руку.

– Эй, ты от Ноля? Поделиться не хочешь? – Она проводит рукой вдоль даже не начавшего округляться тела. – Ты дашь мне полетать, я дам тебе покататься. Высоко взлечу – далеко уедешь. – Странник останавливается и смотрит девчонке на руку, пока та ее не отдергивает. Он идет дальше, следом доносится поток ругательств.

Прямо посреди дороги сидит на задних лапах огромный, напоминающий гончего пса зверь. Свирепое, внушающее

ужас Псиное Отродье, искаженное демоническим воздействием, превосходит размером своих предков. Хозяина поблизости не видно, и обычно беспечные прожигатели жизни Нового Горизонта обходят тварь на большом расстоянии.

Странник поступает так же.

Зверь следит за ним своими разномастными глазами. Один – собачий, черный в тусклом свете – пуст, но другой глаз – человеческий, в нем видятся проблески сознания. Где-то за пределами города Хозяин следит за путником через поменянные местами глаза.

На какое-то время оба замирают, а толпа следует примеру угасающих в небе звезд. Один за другим люди отступают в темноту.

Псиное Отродье дышит тяжело, его зловонное дыхание сливается с густой смесью дыма и гнили, которая в Новом Горизонте считается за воздух.

Странник не убегает. Нет смысла. Долгие годы отчаявшиеся жертвы пробовали многое, чтобы скрыть свой запах от гибридных чудовищ: парфюмерия, грязь, экскременты, даже кровь другого Отродья из стаи.

Все бесполезно.

Эти охотники выслеживают добычу не по запаху. Бродяге это известно: именно поэтому вся остальная стая уже мертва, и Хозяева тоже.

Зарывав, тварь поднимается, едва держась на покрытых запекшейся кровью лапах. С трудом подается вперед, волоча

тело по грязи.

Странник наблюдает за ним без единого движения.

В восьми метрах от него Псиное Отродье прыгает. Жалкая попытка нападения, всего лишь тень обычной силы.

Бродяга отходит назад, изможденная тварь неуклюже распластывается у его ног. Ее изодранные бока судорожно вздымаются. Кровь черного оттенка тонкой

струйкой течет из-под хвоста. Скоро зверь умрет. Рычание смягчается, превращается в скулеж, за которым приходит угасающая хриплая одышка.

Странник обходит тело, но чудовище еще не мертво. Из последних сил оно пытается в него вцепиться, слишком медленно, чтобы вгрызться в лодыжку, но длинные зубы успевают ухватить плащ.

Странник тянет полу плаща на себя – раз, другой, Отродье со злостью смотрит на него сквозь полузакрытые веки. Челюсти не выпускают поношенную ткань, сопротивляясь до последнего. Странник продолжает тянуть все сильнее и сильнее, пока ткань не начинает рваться на зубах. Ему удастся освободиться, но ценой тому становится распахнувшийся в борьбе плащ.

Глаза Псиного Отродья открываются в последний раз, ширясь от увиденного.

На согнутой руке беспробудным сном спит младенец, пухленькие щеки усеяны сыпью лихорадки. На боку у бродяги подвешен меч, с эфеса пристально смотрит единственный

глаз. Он устремляет взгляд на умирающее Отродье, выискивая в его разуме след призрачной сущности, что приведет к оскверненному Хозяину.

Странник без промедления мчит к великим воротам Нового Горизонта, вновь наглухо запахнув плащ.

Изъеденные ржавчиной, те высятся на горизонте, толстые цепи застыли по всей их длине. Справа торчит разрушенная сторожевая башня, ее отвалившаяся крыша болтается на неисправных тросах.

Странник проходит в их тени и выходит из города, решительно устремляясь во мрак за его пределами.

По всему пустынному пейзажу рядом гигантских зубов торчат из земли каменные глыбы. Многократные бомбардировки и воздействия отравляющей демонической энергии нанесли окрестностям очень тяжелый урон. Земля усеяна кратерами будто оспинами. Здесь нет деревьев, нет цвета и едва можно встретить какую-то жизнь. Убитые Земли названы так безо всякой иронии.

Неподалеку раздается быстро затихающий крик. Этого достаточно. Странник оборачивается и идет на звук.

Позади выщербленной каменной плиты, качая головой, сидит Хозяин. Его темный звериный глаз омертвел в черепае, он заставляет нервные окончания вопить, посылая потоки боли. Хозяин не знает, что его обнаружили.

Странник припадает к земле, осторожно кладет ребенка на пыльную почву и следом медленно поднимается, его кли-

нок поет, почуяв воздух.

Теперь Хозяин все понимает. Он пытается уползти спиной вперед, сыплет невразумительными мольбами, пока его не накрывает тень бродяги.

Резко наступает тишина.

В сумерках вокруг трупа Псиного Отродья собираются тощие как палки люди и жирные мухи: и тех и других влечет еще теплая плоть. К утру они дочиста обглодают кости. К полудню половина людей умрет от того, что их желудки неспособны переварить сытное мясо. К вечеру их скелеты пойдут на обмен у некроторговцев.

В Новом Горизонте ничто не пропадает зря.

Глава 2

На окраине Нового Горизонта собрался караван, готовый отправиться в путь с рассветом. Странник присоединяется к нему, смешиваясь со скоплением потрепанных торговцев и путешественников, потерянных и позабытых.

Оси повозок скрипят, выючные животные кричат, люди волочат ноги. Пока Новый Горизонт отдаляется, словно тающий ночной кошмар, развязываются языки и неуверенно заводятся разговоры.

Желтая половина солнца в этот день восходит первой, озаряя небо золотом. Подверженные суевериям торговцы принимают это за хороший знак, один из них настолько впадает в благоговение, что даже делится питьем с ближним. Для большинства же цвет солнца лишь меняет палитру безнадеги.

Вскоре горизонт приобретает красноватый оттенок, предвещающая второй рассвет на дню.

Когда-то давно мир согревала единственная звезда. Того времени никто не помнит, хотя все соглашались, что тогда явно было лучше.

Люди считали, что, когда солнце расколосось, должен был настать конец света, но два осколка звезды ни взорвались, как было предсказано, ни обрушились на землю, сея разрушения и дожди из пламени. Вместо этого они продолжили

вместе неспешно плыть по небу, будто пьяные партнеры, которые все еще пытаются танцевать, когда музыка давно уже утихла.

Странник приближается к одной из самых больших повозок, отвлекая внимание кучера от его самокрутки. Не вынимая изо рта тлеющей сигареты, извозчик выдавливает:

– Тебе чего?

Странник смотрит на заднюю часть повозки, а потом переводит взгляд на водителя. Еще одна драгоценная монета меняет владельца, и бродяге позволяют войти внутрь.

Кузов повозки за занавесью весь заставлен ящиками из поцарапанного пластика и помятого металла. Место не потрачено зря, даже запахи едва просачиваются между контейнерами. Некоторые накрыты изношенными тряпками, но таких совсем мало; содержимое большинства ящиков беспардонно выставлено на обозрение.

Странника оно не интересует. Он оглядывается через плечо и отгораживается от остального мира куском ткани.

В тесном закутке уединенности он снимает плащ, отстегирует меч и неловко присаживается на корточки с ребенком, втайне пронесенным внутрь. Из-за усилившейся лихорадки тяготы последних дней пути никак не потревожили спящего неестественным сном младенца.

Странник протирает ему лоб рукавом и дует прохладным воздухом на краснеющее лицо. Малыш морщит нос, вяло поворачивает голову. Когда ребенок начинает шевелить-

ся, Странник достает драгоценное лекарство, откручивает крышку склянки и подцепляет пальцем немного железной гущи сиреневого цвета. Он сует палец младенцу в рот и ждет. Беззубые челюсти кусают палец, и младенец начинает сосать. Еще два раза бродяга дает малышу лекарство на пальце. Тот с жадностью его принимает.

Какое-то время оба дремлют, убаюканные покачиванием и скрипом повозки.

Внезапно из глубин кузова доносится шепот:

– Помоги мне.

Напрягаясь, Странник оборачивается в сторону крупной металлической клетки. Чумазные пальцы оттягивают завесу, обнажая детское лицо. Не полукровка, рожденный от запятнанных родителей, но и не вполне свободнорожденный, не чистой крови. У ребенка острые черты лица и маленькое тощее тело, на котором отразилась необходимость всю жизнь питаться объедками и полагаться на ум. Он замечает все вокруг, и от увиденного его рот удивленно распахивается.

– Ух ты, вот это меч! – выговаривает он с изумлением. – Ты рыцарь-серафим. Я думал, по эту сторону Разлома вы все умерли. – В его голосе слышно скрытое восхищение, а в глазах мелькает что-то чужеродное, мысль о том, что, возможно, существует иная жизнь, в которой не приходится все время сталкиваться с болью и смертью.

– Я Джем, – поспешно выпаливает шепотом мальчишка, боясь замолчать – ведь это даст Страннику повод уйти. –

Моя мама торгует здесь и в Вердигресе, но вчерашней ночью что-то пошло не так, пришли люди и схватили ее, а потом пришли другие, сердитые, и увели меня, сказали, что она должна им денег. Я хотел драться, но они бы сильно меня избили, так что я был тише воды ниже травы, как букашка. Они запихнули меня в эту клетку и отправили с караваном. Я должен вернуться в Новый Горизонт. Должен найти маму, убедиться, что с ней все в порядке.

Странник не произносит ни слова в ответ.

– Я уверен, она тебя отблагодарит, у нее есть деньги. Немного, но достаточно, и... – мальчишка запинается, не уверенный, как стоит разыграть козырь, – и еще она красивая, очень красивая.

Джем – один из последних, кто был рожден до наступления трудных времен, ему достаточно лет, чтобы он помнил сказки, успел вырасти на них с ранних лет. Рыцари-серафимы для него герои из времен, когда детство было не просто мимолетным промежутком между осознанием себя и разочарованием. Но он и дитя настоящего, он знает, как договариваться в трудных обстоятельствах. Мальчик декламирует распевным шепотом:

– Я вершу ритуал милосердия. Спаси меня, защити меня, убереги меня.

Странник закрывает глаза.

Восемь лет назад

Войско из десяти тысяч рыцарей-серафимов колонной выступает на сражение, что впоследствии нарекут Битвой Красной Волны. Сильнейшие мужчины и женщины со всей округи примыкают к ним, становясь оруженосцами, слугами и солдатами.

Большую часть армии перевозят механизированные звери, рыцари едут на четвероногих ходаках с броненосными спинами или металлических змеях на гусеничном ходу, солдаты – в фургонах и на танках.

От их поступи дрожит земля.

Во главе их одна из Семерых, движущаяся по небу в своем летучем дворце. Небесные корабли следуют за ним, будто утята за матерью.

Более тысячи лет рыцари-серафимы вели во имя Империи Крылатого Ока наблюдение за трещиной в земле, известной как Разлом. Было предсказано, что однажды Разлом отворится и мир захлестнет ужас. Но с течением веков тот день так и не настал, и человечество ослабило защиту. Сложно ни разу не утратить бдительность в течение всей жизни, еще сложнее сохранять ее поколениями. Даже Семеро, нестареющие безупречные зрители Империи, отстранились и нередко пренебрегали посещениями южного региона.

Первые захватчики, вырвавшиеся из глубин Разлома, об-

наруживают ничего не подозревающих рыцарей. Голодные до самого существования, жаждущие уцепиться за что-то значимое в мире, демоны стремительно атакуют, и дремотный тысячелетний дозор оканчивается воплями и кровью.

Уйти удастся лишь одному оруженосцу, сбежавшему, когда начался бой. Он несет новости о катастрофе на север, через море, до самого Сияющего Града, столицы Империи и святилища Семерых.

Стоя на коленях, он отчитывается – заикаясь, лепечет какую-то неразбериху, прерываемую мольбами о прощении. Его заставляют повторить свои слова множество раз, пока не проведут по всем командным инстанциям вплоть до Рыцаря-Командора, высшего военного чина Империи. Тот выслушивает рассказ считанные минуты, после чего передает ситуацию вместе с молодым оруженосцем во власть Семерых.

Спустя два дня молчания Семеро решают казнить оруженосца за его некомпетентность. После этого они начинают размышлять о требуемых мерах. Через тринадцать месяцев после первых вторжений решение принимается, и армии Крылатого Ока выступают в полную мощь. Направляет их Гамма из Семерых, покинув свое святилище, своих братьев, сестер и их посвященных впервые на памяти живущих.

Армии неспешно проходят через всю Империю, блистательные и полные бравადы. Войско вбирает в себя молодых и сильных из каждого региона, множа численность и пыл. Новые рекруты охотно поступают на службу, ими движет жела-

ние войти в историю.

Когда армия наконец добирается до Разлома, враги уже поджидают. Они валом вырываются из ущелья к небу, словно огромные шипящие облака крови. Полчища неразличимых созданий, в которых узнаются лишь зубы. Тысяча тысяч голодных ртов, расплывающаяся в улыбках из рядов ножей.

Пока армия Крылатого Ока выстраивается, Разлом исторгает на нее странных многоногих созданий, реку из визга и струпьев, что обрушивается на людей.

Солдаты отвечают пушечными залпами и молниями, рыцари обнажают поющие мечи.

На земле невиданных и неслыханных доселе чудищ, для которых и названий еще не придумали, разрывают, пронзают и расстреливают. Они разлагаются, становясь грязью, их тела не способны сохранять целостность так далеко от родной среды обитания. В небесах между турелями летучего дворца проносятся темные очертания, срывая людей с зубчатых стен. Время от времени огонь турели пронзает какую-нибудь из тварей, воспламеняя ее синие вены изнутри, и тогда сбивая тень несется к земле, будто полыхающий кожаный ошметок.

Позже из Разлома появляется нечто могущественное. Со временем оно обретет известность как Узурпатор, Аммаг или Зеленое Солнце, но сейчас у него нет и собственной формы, оно выглядит зеленой тенью, еще не родившейся злобой. Там, где оно проходит, наземь падают высушенные

оболочки – в них едва узнаются черты отважных мужчин и женщин, которыми те были мгновения назад.

Волна ужаса проносится по всему войску, у солдат зарождаются мысли о возможном поражении.

Гамма из Семерых наблюдает за битвой, в ее глазах отражается небо. Видя, как проявляет себя подлинная опасность, она подает сигнал своим служителям. Те открывают для нее двери, пока она растягивается, раскалывая тонкую каменную оболочку вокруг себя, как если бы из яйца вылуплялась взрослая птица.

Гамма обрушивается на врага на крыльях серебра и пламени. Ее меч – ее боевой клич, и его голос обращает адских врагов в пепел. При ее приближении бесформенное нечто останавливает ход, отступая под защиту Разлома. Оно не готово столкнуться с ней – еще не готово. Подобно стреле, Гамма преследует его, и ни одно существо из Разлома не смеет ей противиться, чудовища разлетаются прочь, как листья на легком ветру, пока она не приземляется на темную изменчивую оболочку врага, всаживая меч в глубь его бесформенной туши.

Существо не способно кричать, его боль беззвучно струится наружу нитями кипящей сущности. Оно пытается скрыться, и Гамма следует за ним, ее клинок вливает в рану ненависть, сеет внутрь врага семена своего естества. Они плавают по его нутру, ждущие момента, готовые расцвести.

Чудовище вынуждено отвернуться от зияющей бездны и,

не желая того, сталкивается с Гаммой.

Они сражаются.

Говорят, она хорошо билась. Говорят, она хорошо умерла. Рыцарь-Командор не допустил бы иного. Тем не менее еще говорят, что Гамма из Семерых пала в тот день.

Вскоре раздается приказ об отходе. При первом отступлении выживают только две тысячи человек.

Второго отступления не было.

Глава 3

После полудня сломанные солнца поменялись местами, окрасив горы золотом, а небеса кровью. Караван продолжает свой неспешный одинокий путь на север.

Дверь одного из фургонов открывается. Мальчик счастливо потягивается снаружи. Он смотрит на своего спасителя, глаза полны ожидания. Очевидно, он хочет, чтобы человек пошел с ним, может, даже надеется, что он может стать частью его жизни – парой для его матери, отцом для него.

Но мужчина не предлагает ничего из этого и сидит молча, пока младенец досасывает остатки лекарства.

– Значит, я думаю, пора прощаться? – спустя какое-то время говорит мальчик.

Странник кивает.

Разочарованный, парнишка оставляет мужчину с ребенком одних в фургоне. Без его постоянной болтовни становится тихо.

Странник пристально смотрит на монеты у себя в руке, во власти каждой из них купить или продать целую жизнь. Осталось всего лишь пять. Они были потрачены на необходимые вещи вроде еды и лекарств, а также на милосердные поступки, которые почти не способствуют оплате долга перед совестью.

В последний раз несколько монет ушли на свободу для

мальчишки, козу и самую малость уединенности на время путешествия. Из этих трех вещей только козу можно назвать необходимостью. Не так много существ выживает в Убитых Землях без изменений. После появления инферналей почти все умерли или были искажены порченной энергией, вытекающей из Разлома. Со временем потомство уцелевших из-за заражения теряло все больше особенностей своих изначальных видов, пока не остались только тени их прежних черт.

Хотя коза отошавшая, раздражительная и упрямая, в остальном она не испорчена и послужит надежным источником малопитательного серого молока.

Караван постепенно замедляется и выстраивается кругом, подобно свернувшейся клубком кошке. Фургоны и их тягловые звери останавливаются, скрипят колеса и кости. Люди едят понемногу, завистливо глаза на припасы соседей.

Восполнившее силы дитя просыпается и начинает плакать. Лихорадка наконец ослабляет хватку, позволяя голоду развернуться в полную мощь.

Странник быстро встает, собирая вещи. Он подбирает младенца, снова укрывая его плащом. Спрятанный в тепле и темноте, ребенок немного успокаивается, но продолжает бормотать, пока бродяга вылезает из фургона.

Когда он подходит к козе, та смотрит на него с нескрываемой подозрительностью. Пытается пятиться, но провод, которым она привязана к фургону, удерживает ее на месте. В отличие от многих людей, которых в караване держат в раб-

стве, коза остается непокорной. Странник тем не менее работает быстро, и скоро коза уступает его намерениям, равнодушно жуя, пока он сдаивает драгоценное молоко в старую жестяную кружку.

К нему приближается исхудавший до костей мужчина с глазами, полными отчаяния.

– Эй, приятель, – он начинает разговор, его рот сводит судорогой. – У тебя все в порядке?

Странник медленно наклоняет голову.

– А че это у тебя тут? Грудничка с собой таскаешь?

Двое мужчин смотрят друг на друга, вокруг отчетливо слышны звуки каравана – люди готовят на походных кострах, болты затягиваются, погнутые колесные спицы вновь выпрямляются, клинки точатся.

– Хорош, чел, я не один его слышал. И я не один, кому интересно. Так что давай поболтаем, – он почесывает язвы на подбородке, пока озвучивает предложение. – Я за тобой наблюдал, так что знаю, что ты делать собрался. У тебя ж тут незапятнанный? Думаешь, ты умный, раз решил провезти его втихую. Ставлю, что собираешься продать его где-нибудь на севере, неплохо подняться на стороне. Это мальчик или девочка? Нелюдь много предлагает за девочек, можешь куш сорвать, если пойдешь на это. Так я своего знакомого позову, он независимые сделки с торговцами плотью проворачивает и вопросов не задает. Ну, как насчет?.. У тебя товар, у меня связи, можем сработаться. Провернем все по-тихому,

только между нами, и деньжата поделим. Что скажешь?

Бродяга слегка щурится.

– Конечно, если тебе это не нравится, я могу со своими друзьями поговорить, и мы у тебя малявку из рук бесплатно вырвем. Решать тебе.

Странник неторопливо ставит кружку с молоком на землю и кладет рядом ребенка.

– О, вот это красotka! Очень надеюсь, что это девочка, да.

Странник поднимается и делает шаг вперед. Он выше мужчины на десяток с лишним сантиметров.

– Итак, что скажешь?

На боку, под его плащом, подергиваются серебристые крылья, что изогнуты вокруг рукояти меча, и клинок еле слышно гудит. Кровь человека не просто осквернена, она полнится демонской сутью.

– Ну?

Бродяга огорченно хмурит брови, его правая рука сгибается. Он лезет в карман плаща, вытаскивает из него монету, предлагая ее человеку, и подносит палец к губам.

– Это то, о чем я подумал? – монета уже исчезла. – Не на это я надеялся, но ладно, считай, договорились. Я ничего не видел.

Вернувшись в фургон, Странник кормит малютку через кусок резинового шланга. Снаружи он слышит, как поворачиваются колеса и перешептываются и сплетничают люди.

За много миль к югу от Нового Горизонта увядает Рух-

нувший Дворец. После Битвы Красной Волны он еле тащился по небу, улетая прочь от Разлома и бесконечно рождающихся из его скалистой утробы монстров.

Безуспешно. Рой преследователей врезался во Дворец с неба, пока он не поцеловал землю в последний раз, чем пропахал в пейзаже новую долину и изменил русло одной из огромных южных рек. Теперь Рухнувший Дворец навеки окружен зловонными топями.

Турели и стены накренились на несколько градусов вправо, при дневном свете напоминая нездорово шатающегося пьяницу. Лавируя в их сторону, незамеченная несчастными душами, блуждающими по пологим улицам, пролетает посланница, ее крылья жужжат, словно крошечные моторы.

В Рухнувшем Дворце не осталось стекла. Все окна вдребезги разбились при крушении, покрывая полы слоем дешевых кристаллов. Сейчас они все исчезли, от длинного осколка до самого крохотного кусочка – местные обитатели растащили все.

Вокруг зияет множество отверстий – дыры в треснувших полах, дверные проемы, окна, но посланница на них не отвлекается. Она летит напрямик к башне, медные стены которой обреченно ведут сражение с вторжением зеленого лишайника.

В сводчатом окне на вершине башни ждет Очертание. Когда муха подлетает, Очертание широко раззявливает рот, его лицо раскрывается подобно створкам раковины моллюска.

Муха садится на непомерно длинный язык, ее задача выполнена, бешено бившиеся крылья теперь неподвижны.

Очертание закрывает рот, пробуя на вкус слова, растворенные в крови, скрытые в мухе. Оно поглощает слова вслед за насекомым и незамедлительно уходит во тьму башни, ничуть не обремененное скошенным полом. Пройдя в покои своего хозяина, оно останавливается и ждет, пока его узнают.

Во мраке шевелится огромная туша. При каждом движении происходит выделение отходов – малое, но мощное. Очертание разглядывает перевязи на оболочке хозяина, и даже самые новые уже кажутся истрепавшимися. Оно мысленно отмечает, что им придется ускорить выполнение следующего приказа.

Окончательно пробудившись, Узурпатор начинает двигаться, оживляя тело, некогда принадлежавшее Гамме, искажая ее черты, и кивком подзывает Очертание подойти ближе. Жест выглядит вымученным и едва ли подобает величайшему из демонов, и Очертание радуется тому, что при этом не присутствуют ни Нелюдь, ни Первый.

Очертание повинует, охотно сокращает расстояние между ними и прижимается лбом ко лбу своего повелителя, мягкие черты кажутся бесплотными рядом с бугристым распадающимся чудовищем.

Словно любовники, двое соприкасаются языками, и мысли потоком проносятся между ними.

– Мои пальцы проникли в мысли Ноля, он поведал мне

о поющих монетах и молчаливом человеке, утаивающем сокровища.

– Он тот, кто истребил стаю?

– Должно быть, хозяин.

– Он тот, кто сокрушил наших сородичей?

– Должно быть, хозяин.

– Он тот, кто несет Злость?

– Никем иным он и быть не может, хозяин.

– Я желаю его.

– Но ваша сущность сочится сквозь оболочку, хозяин. Вам нужен отдых.

– Время для отдыха придет, когда Злость станет нашей.

– Когда вы выступите, хозяин?

– Незамедлительно. Злость дразнит меня из теней, и я жажду действовать.

– А что насчет следующего явления?

– Что насчет следующего явления?

– Оно близится, хозяин.

– Так скоро?

– Да, хозяин. Оно скоро настанет, и ваше величество должны предстать перед подданными, вновь сковать их цепями власти.

– Да будет так. Но Злость должна быть возвращена. Неси слово.

– Кто избран следовать за Злостью вместо вас, хозяин?

– Рыцари Нефрита и Пепла.

– Я их пошлю.

– Булава, что ходит.

– Я ее пошлю.

Они разнимаются, и Очертание удаляется, терзаемое не своими мыслями. Отзвуки воли повелителя довлеют над ним, пока оно ступает вниз по ступеням башни. Они одержали много побед в этом новом мире, захватили бо́льшую часть земли, но мир сражается с ними на каждом шагу, отбирает их естество, раздирает их защиту. Всего в нескольких милях от Разлома на них давит враждебное небо. Очертание ощущает подавленность хозяина, но и нечто еще: нежеланный дар, шелест страха.

На сей раз оно радуется их разделенности, в кои-то веки собственная простота его успокаивает. Но осталось быстро въевшееся понимание: Узурпатор слабеет. Очертание не знает, сколько получится утаивать это от агентов Нелюди или кочевников Первого.

Оно вскользь оглядывает собственное тело. Кожа осталась гладкой и неповрежденной, что свидетельствует о его самообладании. Привычное спокойствие Очертания снова расползается по нему. Оно возвращается к поиску Злости и человека, скрывающего ее от них, и выходит на гладкую улицу.

Очертание открывает рот, пробуя на вкус воздух, а тем временем у него из пищевода выкарабкиваются мухи, и каждая высасывает по капле желаний хозяина, прежде чем роем хлынуть в темнеющее небо.

Глава 4

Лязгающий обветшалый караван прибывает на первую запланированную стоянку, поля Блажи Кендалла. Зеленые, пусть и выцветшие квадраты живо выделяются из окружающей бесплодной пустоши.

Кое-где работают машины: качают сереющую воду по изгибающимся в семи метрах над посевами металлическим трубам. Там, где их нет, по полям бродят рабы с пухлыми пластиковыми емкостями, прикрепленными им на спины, из-за чего они похожи на вывернутых задом наперед беременных женщин.

Периметр парами обходят охранники, дополняя окружающий поля забор из колючей проволоки тяжелыми взглядами и заряженным оружием. Посреди полей на цепи подвешен Нерожденный, незаметно дрожащий в своей завитой раковине. Снаружи он выглядит шишковатым и белесым, как некое существо, выловленное из морских глубин. Подвесить и удерживать мертвенно-бледную громадину оказалось сложной задачей, но плодородные земли так далеко к югу драгоценны, а inferнальное присутствие Нерожденно-го отпугивает голодных насекомых и зверей Убитых Земель.

Встречать караван отправляется разношерстная группа, торговцы, путешественники и сутенеры желают получить лучшие товары и узнать последние слухи. Сперва все обме-

ниваются хищными улыбками: пытаются, насколько могут, изобразить воодушевление. Странник улучает момент, выскальзывает из вагона сзади и уходит, забрав с собой козу.

На сей раз взгляды со стороны каравана за ним не следуют, все слишком ослеплены сиюминутной жадностью, чтобы запомнить загадочного человека и его драгоценный груз.

Не оборачиваясь, он уходит прочь от шумного собрания, исчезая за россыпью покореженных металлических пластин, служащих укрытием от ветра для тех, кто слишком беден или немощен, чтобы позволить себе закрытое со всех сторон пристанище. Крошечная пятка бьет его по животу. Странник ворчит и идет дальше.

Не он один удалился от взглядов толпы. Сгорбившийся человек шишковатыми пальцами бережно держит что-то мягкое. Еще двое мужчин проследовали за первым, и теперь с голодным видом втайне приближаются к нему со спины. Он утаил ценный фрукт. Двое настигают первого, когда он вскрывает мякоть добычи и воздух освежает струя сладковатого аромата. Они бьют мужчину и тянут его назад, отхватывая себе кусок пищи. Тот сопротивляется, и шесть рук танцуют, давя водянистую мякоть фрукта, чем портят его.

Странник неподвижно наблюдает. И снова под плащом его бьет детская ножка. Перед ним продолжается драка. Руки уже расцепились, и настала очередь ног: они врезаются первому мужчине в ребра, удар за ударом, будто страстные любовники дарят друг другу поцелуй за поцелуем.

Человек перестает бороться.

Победители делят жалкие остатки липкой мякоти, слизи-
вая бо́льшую ее часть с пальцев, и после раздосадованно
уходят украдкой в сторону захудалых строений, составляю-
щих основную жилую зону Блажи.

Странник идет дальше, уставившись на плотно утопан-
ную пыль под ногами. Третий удар вынуждает его втянуть
воздух через зубы. Он оглядывается вокруг – на него смот-
рит только коза. Игнорируя ее злобный взгляд, Странник
раскрывает плащ, чтобы заглянуть внутрь. Малыш не спит.
Их глаза встречаются, проходит несколько секунд. Странник
запахивает плащ и идет дальше.

Избитый человек позади него жалобно стонет.

Следующий удар оказывается более энергичным. Оття-
нув полу плаща еще раз, бродяга сурово смотрит на ребен-
ка. Младенец перестает бить ножкой и поднимает на него
взгляд. Странник вскидывает брови, и малыш улыбается.
Так повторяется несколько раз, и с каждым детская улыбка
немного ширится.

Странник останавливается и вздыхает. Он прикладывает
палец ребенку к губам и накрепко закутывается в плащ. По-
сле он разворачивается и идет обратно к пораненному муж-
чине, лежащему на земле. И поскольку они уходят в сторону
от полей, коза возражает против такой смены направления.

Она тянет привязь в сторону от бродяги.

Тот тянет обратно.

Коза знает, что ей не победить, но все равно пытается еще раз. Секундный бунт вознаграждается еще более резким рывком за привязь. В этот раз коза признает поражение.

– Пожалуйшта, не надо больше! – умоляет избитый, закрывая лицо руками. – Вы уже вше жабрали. – Ему только что выломали зубы, так что он шепелявит.

Странник ждет, не обращая внимания на исступленную дробь, выбиваемую по его груди и животу.

Человек робко опускает ушибленные руки, открывая на лице гармоничный коллаж из красных и фиолетовых пятен.

– Ты новый глаж Надшмотрщицы? Прошу прощения, – несмотря на возраст побитого, его голос из-за шепелявости звучит по-детски. Мужчина с трудом набирает воздуха, затем продолжает: – Я отлучилфя вшего на минутку, пожалуйшта, не говори ей нифего. Вшего лифь на минутку. Я шейчаш пойду... Я шейчаш... – Он приподнимается на несколько сантиметров, но тут же снова падает, скорчившись от боли.

Странник дважды обвязывает поводок вокруг запястья и протягивает избитому руку.

Человек смотрит на нее, как будто это бомба или змея. После недолгого промедления он вцепляется в ладонь, его пальцы дрожат в хватке Странника. Из-за ранений незнакомца и ноши бродяги движения выглядят неловко, но в конце концов мужчина встает и тяжело опирается на козу, которая стоически терпит это оскорбление.

– Шпашибо тебе, незнакомец... Мне нужно... немного подлататься, прежде чем я смогу быть полежаен... хоть кому-то. Не поможешь добратыся до Мелкой? Это... вон там, – он показывает на осыпающийся дом, взрывом выбитый из цельной каменной глыбы. Вывеска, на которой недостает части букв, высвечивает остатки воспоминаний о первоначальном названии здания.

Странник кивает и начинает идти в его сторону.

Всего через несколько шагов у человека едва остаются силы дышать.

– Оштановишь... на минутку, дух... перевести.

Они ждут, тишина треплет нервы обоим.

Отдышавшись наконец, избитый говорит:

– Кажется, я тофьно штал бы покойником, не покажишь ты в нужный момент. Шлушай, у меня не было... особых поводов поговорить... уже довольно давно. Я жнаю, что таким не кажушь, но... было время, до того как все это... ну, раньше, когда меня жнали как своего рода оратора, ешли ты понимаешь, о чем я. – Он кашляет, вытирая кровь и слюни тыльной стороной ладони. – В общем, когда имена еще хоть какого-то щерта да жначили, люди жвали меня Вентриш. А как тебя жовут, незнакомец?

Странник отворяет плохо подогнанную дверь, покоробившийся металл царапает по камню, на мгновение укрывая внутренние помещения здания занавесом пыли. Друг за дру-

гом вся группа входит внутрь – диковинная процессия из бродяги, избитого мужчины и козы.

Внутри комнаты установлен шатер из пластика, некогда белый, но со временем превратившийся в крапчато-кремовый. Все указывает на то, что за этот островок чистоты было проведено много сражений с посягающей на него грязью. Снаружи небольшого дочиста отмытого круга, вдоль периметра комнаты расставлены столы и верстаки, перемежаемые колоннами из тесаного камня. Между входом и шатром стоит женщина, и в руке у нее пистолет. Тоже до блеска начищенный...

– Ни шагу дальше, – в голосе женщины еще слышится былая молодость. Лицо ее уже давно утратило.

Странник отходит в сторону, позволяя раненому попасть в поле зрения. Даже от такого короткого пути он побледнел, из-за синяков на щеках он кажется призраком.

– Полегше, Мелкая, – хрипло отвечает мужчина. – Он прошто... помогает штарику.

– Вентрис, это ты, что ли? Солнца, да на тебе живого места нет! – Она окидывает мужчин властным взглядом и не дожидается ответа. – Хватит уже стоять и истекать кровью у меня в дверях. Давайте проходите и дверь закройте. Не хочу, чтобы кто-то подумал, будто ко мне можно вот так завалиться в любое время суток!

Ее приказы не встречают сопротивления, и минуту спустя Вентрис лежит в шатре, а Странник сидит у стены. Обоих

предупредили, чтобы они ничего не трогали.

Шатер дает только иллюзию уединения, и голоса проникают наружу, секреты разлетаются на крыльях шепотов.

– И что на этот раз произошло?

– Я был неосторожен.

– Ты всегда неосторожен, и это чудо, что ты при этом так долго протянул. Скажи мне то, чего я не знаю.

– На меня двое работников напали, жаштали врасплох. Брофили меня на корм червям, ублюдки.

– Не шевелись. Похоже, у тебя ребро треснуло. Что за работники? Нет, дай угадаю, кто-то из группы, что пришла с севера, Келл или один из его... Я так и поняла. И что ты мне недоговариваешь? Давай, Вентрис, не заставляй меня делать то, о чем ты пожалеешь.

– Я штащил небольшую пешу и припрятал ее. Кажется, не флишком хорошо припрятал.

Следом за звуком щелчка по уху слышится недовольное ворчание.

– Чертов идиот! Тебе повезло, что это Келловы ребята тебя спалили, а не кто-то из бригады Надсмотрщицы, а не то, чтобы тебя собрать, нескольких швов бы уже не хватило.

– Я был не настолько бешпечен, никто из них не видел. – Еще один щелчок. – Ой, полегше, Мелкая!

– А если они заметили пропажу, то что тогда? Я уже подумываю тебе швы распустить и наружу вышвырнуть, к падальщикам.

– Ты хороший друг, Мелкая. Таких, как ты, мало ошталось.

– Не испытывай судьбу. Это в последний раз, слышишь? Еще одна глупость, и я тебя сама пристрелю, а что уцелеет – пушу на продажу.

Никем не замеченная коза стягивает со стола перчатку и начинает жевать.

– Итак, – продолжает Мелкая, не больно-то стараясь говорить тихо. – Что это за парень, что приволок твою жалкую тушу к моей двери?

– Да будь я проклят, если жнаю. Он не иж любителей поболтать. Ни шлова мне не шкажал, прошто по-

явился иж ниоткуда и привел меня шюда. Может, он иж полукровок? Я шлышал, что некоторые иж этих нещцаштных и говорить-то по-человечешки не умеют.

– Мне он не кажется похожим на полукровку. – Что-то металлическое со звоном отправляется в поддон. – Я не знаю, на кого он похож, и это меня беспокоит. Не думаю, что тот, кто не умеет кричать, может быть торговцем. И еще он не раб.

– Какие-то шредштва у него есть.

– А по одежде и не скажешь.

Смех Вентриса прерывается шипением:

– Проклятые ребра!

– И ты заметил, как он двигался? Он пытается что-то спрятать. Я не знаю, изуродован он или вооружен, но знаю,

что от него будут неприятности.

– Тебя бешпокоит, что у мужчины под плащом? Не похоже на тебя, Мелкая.

– Я не раз видела, что у тебя под плащом, Вентрис. Не о чем там беспокоиться!

Какое-то время слышится только тихое шуршание иголки по коже. Тени проходят мимо мутных окон, мухи усердно жужжат у двери. После из шатра доносится неровное похрапывание, и вскоре выходит женщина. И пистолет при ней.

– Ладно, чужак, тебе-то с этого что?

Странник поднимает взгляд, в его янтарных глазах видна усталость.

– Давай начистоту. Вентрису нечего тебе дать, кроме рассказов и советов, и стоят они меньше воздуха, который он сотрясет, пока их выбалтывать будет. Так что если ты ждешь награды, смело можешь уходить.

Бродяга жестом отмахивается от этой мысли.

– Так кто ты и чего хочешь? – Ее взгляд неумолим, ствол пистолета не колыхнется. – Ладно, на вид ты вроде не тупой. И застенчивым тоже не кажешься, так как насчет перестать придуливаться и ответить уже на вопросы?

Странник набирает воздуха. Его челюсть двигается, но слетающий с губ воздух пуст. Он отворачивается, глаза крепко закрыты. В комнате стоит тишина. Женщина сокращает расстояние между ними и кладет ему руку на плечо.

– Прости, я не... – начинает она, но тут же прерывается,

наконец услышав что-то в ответ, тихий плач из-под мышки незнакомца. – Что за?..

Его плечи немного опускаются, и он позволяет руке упасть. Мелкая раскрывает полы плаща, и малыш радостно гукает, его нога теперь свободно дергается. Женщина рывком отбрасывает пистолет на пол.

Жевание, храп и гукание смешиваются с тишиной. Мелкая подносит ребенка к лицу, разрываясь между горем и чем-то, как ей казалось, ныне забытым.

Глава 5

Несколько дней проходят в непривычном спокойствии. Мир снаружи жесток, но в мирке дома Мелкой царит видимость душевного покоя.

Свет солнц просачивается сквозь трещины в дверном проеме, окрашивая пыль в красный. Крошечные пальчики тянутся к переливающейся грязи. С тем же успехом они могут тянуться к самым звездам.

Странник методично подметает пол. Его плечи низко опущены, лишённые привычного напряжения.

Коза неспешно жуёт, из ее пасти свисает потрепанный матерчатый палец. Она не сводит черных глаз с беспомощно лежащей на столе второй перчатки.

Эти тихие занятия сопровождаются рассказом женщины. Обычно Мелкая не из болтливых, но, после того, как новые гости расположились у нее дома, она просто не в силах остановиться. Она делится своими наблюдениями по поводу работников с Блажи Кендалла, с кем из них стоит быть настороже, кого избегать, и о немногих, кто к таким не относится. Рассказывает о своей работе хирургом, о том, как часто работники получают травмы. Те, кто в состоянии заплатить за лечение, рассчитываются едой или полезными вещами, остальных она не принимает. Мелкая поясняет, что благотворительность в ее обыкновение не входит.

Она делает паузу, но бродяга не попадает на приманку, его метла не сбивается с ритма.

Наконец она рассказывает свою собственную историю о том, как ее растил дедушка, как учил выживать. Как он обучил ее ремеслу, чтобы зарабатывать на жизнь, и передал пистолет, чтобы ее защищать. Она вспоминает, почему никогда о нем не говорит, и слезы, которые, как казалось, остались в далеком прошлом, вновь катятся по ее щекам. Она быстро отходит за тент, голос дедушки оживает в ее мыслях:

– Слезы до добра не доведут, Мелкая. Слезы убьют тебя.

Снаступлением темноты Вентрис увлакивает свое изрезанное тело и хромую ногу за дверь.

– Еще раз шпашибо, незнакомец, – произносит он, в его улыбке больше дыр, чем зубов. Он быстро подмигивает малышу, спящему на руках у Странника. Улыбка немного ширится.

После того как старик уходит, бродяга упирается взглядом в дверь. На его плечи снова наползает напряжение.

За господство во владениях Надсмотрщицы соперничают вонь фекалий и сладковатый аромат разложения, каждый запах стремится сохранить свою самобытность. Некогда ее обиталище называлось бы офисом, но сейчас его стены дышат, они такие же полукровки, как их новая хозяйка.

На спине у Надсмотрщицы растут недоразвитые крылыш-

ки, крохотные отростки выглядят насмешкой над ее похожим на луковицу телом. Единственное их применение – продемонстрировать ее настроение тем, кто ей служит. И в эту ночь крылышки приятно жужжат.

– Мне сказали, у тебя для меня что-то есть. Мне сказали, что это меня обрадует.

Человек напротив нее покорно кивает. Скоро он перестанет быть работоспособным, и тогда она заберет его с полей и отдаст на съедение своим детям.

– Достаточно ли это меня обрадует, чтобы возместить то, что ты украл?

Он снова кивает, на этот раз от страха. Движение сопровождается бессмысленными извинениями.

– Вы, рабочие, все как один, думаете только о себе. Вы думаете, что пропажа одного фрукта останется незамеченной. Чего вы не понимаете, так это того, что у меня есть план, который нужно выполнять. Рухнувшему Дворцу что-то нужно, Новому Горизонту что-то нужно, Вердигрису что-то нужно, всем им. Даже кочевники Первого время от времени ко мне приходят. Каждая мелочь учтена, затраты и доходы от каждого действия оценены. И я собираюсь пересмотреть твою ценность. Я очень надеюсь, что она окажется выше ущерба, который ты мне нанес. Теперь можешь говорить.

Старик рассказывает все. Когда он заканчивает, довольное жужжание крылышек становится громче.

– Ты вернешься туда и проследишь за моим трофеем, по-

ка я не буду готова его забрать. Когда он окажется в моих руках, я буду считать твой долг оплаченным. Могу даже рассмотреть изменение твоего положения.

Он низко кланяется, преодолевая боль.

– Да, – продолжает она. – Полагаю, для тебя найдется место в услужении тем, кто мне так дорог.

Он благодарит ее и ухрамывает прочь.

Когда его запах развеивается, Надсмотрщица прокалывает один из своих человеческих пальцев об жесткий волос на ноге. Мухи приостанавливают пиршество, привлеченные знакомым ритуалом. Демоница шепчет послание в жидкий кристалл и ждет.

Для вызова служащих ей людей используются более мирские способы, а чтобы подтолкнуть работников к действию, хватит и обычных денег. Они привыкли нищенствовать, так что жалкие крохи, что она им предлагает, приводят к потрясающему результату. Они уходят все как один, объединенные голодом и предвкушением.

Как только все удаляются, муха садится ей на палец и начинает жадно пить, впитывая новости, что принесут Надсмотрщице состояние.

Она удобно усаживается, пока посланница мчится своей дорогой. Конечности, юбкой опоясывающие Надсмотрщицу, подрагивают в предвкушении – с благосклонностью Узурпатора приходит надежда обрести завершенность.

Она не слышит тихого шепота, доносящегося из-за две-

рей, и не видит, как располовиненная муха падает, оставляя послание растекаться кровавым пятном на полу.

Дверь неспешно распахивается, привлекая ее внимание.

Странник заходит, выставив вперед тихо гудящий меч.

Между ним и демоницей жужжат от мучений крылатые насекомые, они бьются о мебель и друг о друга, не в силах спастись от вибрирующей в них крови.

Звук нарастает, сотрясая череп Надсмотрщицы. Она вскакивает, вытягивая тело в полный рост, отбрасывая назад кошмарную тень.

В ответ Странник поднимает клинок. Оружие расправляет крылья у основания.

Глаз открывается.

Зарождаются два сердца звуковых штормов: шелест демонских крыльев и умирающих насекомых бьется с выкованной сталью песней.

Надсмотрщица оценивает противника, много раз отпечатавшегося в ее фасеточных глазах. Каждое изображение неподвижно выжидает. От исходящего от меча сияния она колеблется, оружие ненавидит Надсмотрщицу неведомым ей образом, разжигая в ней чувство страха, чувство стыда. Обычно она, не раздумывая, пришибла бы человека, но чутье подсказывает ей проявить осторожность.

Звук едва ощутимо изменяется.

Без единого предваряющего слова или жеста Надсмотрщица рвется к ящику.

За четыре шага Странник пересекает комнату, его клинок вытягивается к чудовищу через стол. В момент удара он открывает рот, к голосу меча, воспламеняющему воздух синими молниями, примешивается горестная нота.

Завизжав, полукровка отскакивает назад, уворачиваясь от гудящего металла, съезжаясь там, где пламя касается ее монструозного тела. В ее человеческой руке револьвер, уродливый, изношенный и готовый убивать.

Странник замирает. В тесной комнате мало мест для укрытия, а времени на размышления еще меньше. Он поворачивается налево, направив клинок вниз. Серебристые крылья достают до его лица, защищая от пуль.

Шесть раз револьвер гневно кричит, выплевывая обжигающую металлическую слизь. Четыре пули потрачены впустую, пятая отражена звенящим от ярости мечом, но шестая находит свою мишень, отбрасывая бродягу на сырую стену.

Револьвер суматошно щелкает, его голос тотчас умолкает. Надсмотрщица начинает перезаряжать оружие, много пуль в спешке рассыпаются на пол, катаясь среди мертвых мух.

К тому моменту, как она вновь поднимает дымящееся оружие, Странник успевает встать и глубоко вдохнуть. Он бросается вперед, она жмет на спусковой крючок. Ствол вспыхивает, но в этот раз не кричит, уступив песне Странника. Кисть Надсмотрщицы бьется об пол с влажным шлепком, оставляя безумно мечущуюся в воздухе розовую культю.

Боль пронизывает все мысли полукровки, и она всеми ко-

нечностями вцепляется в стол, его металлические ножки со скрипом отрываются от пола. Кряхтя, она швыряет стол во врага.

Отражая удар, он отвечает протяжным криком, его печальное звучание диссонирует с гневной вибрацией меча. Стол грохается об пол – обломок, другой, и ни один не задевает Странника.

В шквале движений сливаются руки и меч, человек и полукровка, звериные вопли и песнь острых лезвий. Когда все затихает, поверженная и лишенная конечностей Надсмотрщица остается лежать гротескной грушеподобной тушей.

Странник глубоко вонзает в нее меч. Синее пламя полыхает, жадно пожирая труп, пока не остаются лишь обугленные комки.

Глаз закрывается.

Странник спешит. Вокруг темно, и звезд нет. Люди слышат из своих укрытий, как он спотыкается. Они еще не понимают, что произошло, но чувствуют, что грядут изменения. И содрогаются.

В его поле зрения попадают, расплываясь, неоновые буквы. Дверной проем под ними озаряют более сильные огни, рассказывающие жестокую историю о происходящем внутри.

Снаружи слоняется человек, он выглядит неуверенным. Он поворачивается к бродяге, искоса смотря на него.

– Нежнакомец, это ты? Это я, Вентриш. Кажетшя, ты как раж вовремя. Только что целой толпой жаявилишь какие-то парни и вломилишь к Мелкой. Я шлышал вжрыв, одни шолнца жнают, что это было! Потом выштрелы, а шейчаш – ну, только редкие штоны. Ты бы шходил туда, пошмотрел, что шлучилошь, хотя лучше бы тебе шражу подготовитышя к худшему.

– Лжец! – без слов поет меч, высвобождаясь из ножен, и рассекает старику нос и подбородок. Странник отворачивается, пока тело падает. Он трясет головой, спеша вперед.

Дверь валяется на полу, выбоина на ней напоминает карикатурную улыбку. На столах пляшут огоньки, порождая дым, и облака пыли наполняют воздух, укутывая тела мертвых и умирающих. Некоторые обожжены, другие застрелены. Странник проходит между ними, его безмолвный меч дарует милосердие страждущим.

Бродяга забирается в шатер, переступая очередной труп на входе.

Коза стоит позади в углу, тело Мелкой лежит сбоку от нее, ее пальцы чуть-чуть не дотягиваются до пистолета. Оружие больше не сияет, оно дымится от использования. Из-под ее руки яростно бьет детская ножка. Он переворачивает тело женщины и обнаруживает окровавленного малыша. Его глаза расширяются от тревоги.

Младенец улыбается.

На нем только следы крови Мелкой. Он не пострадал.

Странник покачивается, его лицо бледнеет. Ноги начинают дрожать.

Со стоном женщина сплевывает на пол чем-то густым:

– Где, черт побери, ты был, сукин ты сын? Я думала, ты нас бросил.

Странник трясет головой, без толку открывает рот.

– Слушай, – говорит она, надавливая рукой на расплывающееся красное пятно на боку. – Пока ты хоть что-нибудь связное выдавишь, я уже сдохнуть успею. Так что захлопни пасть и спасай меня. Все, что тебе нужно, здесь. Сперва найди мою коробку с хитростями. Она из металла, овальная, где-то тут, в шатре. Не ошибешься.

Но бродяга так и стоит с открытым ртом и не шелохнувшись.

ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Сокрушенная Гамма из Семерых лежит на краю Разлома. По ее растрескавшемуся прекрасному телу проплывает нечто, что станет Узурпатором, жадное до своего трофея. В небе дворец Гаммы кренится, будто пьяный, и всполохи пламени наперегонки рвутся к небу из прорех в стенах и башнях. Около поврежденной крепости проносятся очертания: роятся, пикируют, безжалостно кусают и рвут когтями, несут тысячи бесславных смертей.

Пока дворец начинает неспешно рушиться на землю, из

Разлома восстают другие порождения, тоже бесформенные и безымянные, и все они желают заполучить останки Гаммы.

Инфернали сражаются за пределами восприятия смертных, порочные облака наваждений проносятся друг сквозь друга, смешиваются, развоплощают сородичей, тают сами.

Одна из сущностей отстраняется от битвы и нисходит на павших вдали от Разлома. Она тщательно отбирает тех, кто погиб от электрического удара или единственной раны, тех, чьи тела более-менее целы. В каждое подходящее тело нечто вселяет частичку себя, пряча от мира свою сокровенную суть внутри мертвых оболочек. Возвращая к жизни тех, кому в ней уже нет места, оно бросает решительный вызов реальности, в которой обнаружило себя. Расщепляя свою суть на части, оно жертвует силой, но обретает защищенность, становится меньше – и многочисленнее.

Каким-то невозможным образом один из людей поднимается, и так рождается Первый. Он быстро собирает своих братьев и сестер, и вскоре Первый исчезает с поля боя и отправляется исследовать новый мир, становясь ему неприятным дополнением.

Битва между оставшимися демонами продолжается, пока один из инферналей силой стихий не отбрасывает остальных, выигрывая сражение и утверждая свою неоспоримую власть. Над телом Гаммы побежденные претенденты расцепляются и дымящимся кольцом уносятся во все стороны, прочь от нового хозяина. Потусторонне шипя, они отступа-

ют в поисках тел, которые будет проще занять.

Для низших порождений это не составляет труда, земля усеяна трупами, но для высших демонов Гамма была единственной возможностью полноценно родиться. Лишенные изобретательности Первого и оторопевшие перед мощью Узурпатора, они впадают в смятение. Многие просятся в тела, которым их не удержать. Грудные клетки трескаются и разрываются, демоническая сущность расплещивается, стекаясь в кипящий от сожалений и ярости омут стихийной энергии, сырой и ненаправленной неестественной силы. Не имеющая собственной воли река скверны вспучивается и устремляется вперед, уносясь за большинством, слепо следуя за другими демонами.

Видя судьбу подобных себе, последняя из высших сущностей спешно движется над побоищем, мир уже впивается в ее оболочку. Неспособная найти подходящее вместилище, она сплетает вокруг себя накидку из мертвых тел. Черепа, ноги и ребра с трудом сливаются воедино. Внутри шара из омертвелой плоти рождается Нелюдь.

Появляются новые стремления, переполняющие разум Нелюди: желание видеть, ощущать и познавать, расти. Но сейчас они сдерживаются высшей силой, что порождает почти непереносимое чувство отчаяния. Несмотря на это, Нелюдь не оставляет мысль о независимости, отличности и чувствует, что важно сформировать самосознание прямо сейчас, чтобы было чего придерживаться, когда поступят

приказы от новоявленного повелителя.

Источник вдохновения находится прямо под рукой. Каждое из тел, образующих личину Нелюди, содержало в себе уникальное существо, и демону не составляет труда почуять их тающую суть, чтобы набраться идей. Она осознает себя как женщину. Этого недостаточно, но все же это начальная точка, тайная победа, на которую можно будет опереться.

Она оборачивается, ожидая повелений нового хозяина.

Никем более не сдерживаемый, победитель нисходит на тело Гаммы. С воющим ветром демоническая сущность втягивается в некогда прекрасную оболочку. Она подергивается, оживает, и Аммаг, Зеленое Солнце, Узурпатор делает первые шаги во плоти. По сравнению с Первым он неотесан и груб, он едва стоит на ногах, пока тело Гаммы сгибается и искривляется, пытаясь приспособиться к новому владельцу. Но ничто в этом мире, даже ни один из Семерых, не способно полностью вместить Узурпатора. С раздражением он отделяет от себя часть сути и погружает ее в другое тело, временный дом. Зеленая субстанция легко просачивается внутрь через пустые глазницы. Это тело не оживает, оно слишком слабо и ни для чего, кроме как быть емкостью для хранения, не годится.

Узурпатор, стойко закрепившийся в новом мире, внимательно прислушивается к собственным ощущениям. Скрытая в самом сердце его естества рана гноится, живая, как и причинившее ее оружие. Узурпатор припадает к земле, вы-

искивая меч Гаммы, чтобы расколоть – и тем покончить с мечтами оружия о его развоплощении.

Но клинок исчез.

Узурпатор ищет среди мертвецов, расшвыривает их – и не находит ничего. С нарастающим гневом он поднимает взор, выше резни, выше тел, что искажаются, пока их заселяют inferнальные хозяева, и наконец его внимание привлекает сверкающее пятнышко.

Вдалеке уносится на север металлическая змея, прочь от бойни, обернувшейся inferнальным пиром.

При виде воров Узурпатора накрывает волной гнева, но за ней таится страх. Слишком рано для нового противостояния. Одолеть Гамму и отбиться от всех претендентов на ее тело стоило ему многих сил.

Не желая сталкиваться с мечом снова, Узурпатор посылает за ним свою орду. Нелюдь откликается первой, под преданностью она прячет жажду ощутить вкус нового мира. За ней следуют другие – сквернавцы, Троица Ухореза, Заусенец, все привязаны к новому хозяину после поражения. Собрав вокруг себя низших демонов, орду уродливых тварей с перекошенными крыльями и непарными конечностями, они живым пламенем разносятся по земле.

Глава 6

– Клянусь, если ты прямо сейчас что-нибудь не сделаешь, я пушу пулю в твою пустую башку!

Женщина в бешенстве, гнев не дает ей уснуть. Она отбилась от целой толпы, выжила вопреки обстоятельствам, но сейчас к ней снова подкрадывается смерть. Еще немного, и она истечет кровью, каждый удар сердца выкачивает драгоценную влагу из раны в боку. Спасение настолько близко, что женщина готова закричать. Но вместо этого она тратит последние силы на то, чтобы достучаться до Странника.

Он смотрит на нее, сквозь нее, не фокусируясь на происходящем.

С трудом хватая воздух, она стягивает кольцо-индикатор. Когда палец высвобождается, пульсирующий свет кольца гаснет. Мгновением позже оно пролетает по воздуху, самую малость не задев бродяге ухо, как не задевают его и проклятья, несущиеся следом.

Взгляд детских глаз бежит между ними двумя. Чувствуя беду, малыш изо всех сил участвует в общей суматохе, его страх ничем не уступает отчаянию женщины.

Странник моргает, вытирает пот со лба и заново смотрит на сцену перед собой. Беззастенчивые ерзания окровавленного малыша наконец привлекают его внимание.

– С возвращением! – огрызается Мелкая. – А теперь, если

не хочешь, чтобы я тебя убила, ты сделаешь вот что...

Она вздрагивает от его медлительности, гадая, не только ли с речью у него сложности, пока он плетется, собирая инструменты для спасения ее жизни, будто осел, погоняемый плетью ее голоса. Мелкая направляет его к тому, что она назвала «годной дрянью», – медикаментам, которые с приходом Надсмотрщицы сделались буквально на вес золота.

Мелкая деловито втыкает в себя иглу, от неестественного внутреннего напряжения распахивает глаза.

– Ладно, чужак, для начала нам нужно очистить рану. Эти дилетанты использовали пистолеты, стреляющие шрапнелью. Дешевка. Кажется, я только поэтому еще дышу. Бери ручной сканер и пинцет. И не трать заряд, запасных батареек нет.

Его руки колеблются от нерешительности, и терпение Мелкой тут же заканчивается:

– Пожалуйста, просто прекрати! Зубами падалыщика клянусь, у меня больше шансов самой себя спасти! Просто возьми вон то зеркало и держи его так, как я скажу, ладно?

Странник кивает, его губы тесно сжаты.

– Только держи ровно.

Химикаты заглушают боль в боку у Мелкой, и она действует быстро, времени привередничать не осталось. Поначалу застенчивые, а потом позволяющие высвободить себя со все большим рвением, зазубренные куски металла со звоном отправляются в миску. Мелкая зачерпывает горсть дер-

мы и растирает серую студенистую массу по всей ране. Там тут же схватывается, останавливая кровь и сливаясь оттенком со смуглой кожей Мелкой.

– Ну вот, не так уж и плохо, – говорит женщина разом и незнакомцу, и себе. – С запасом химикатов и медтехникой я могу творить чудеса. Эти покойники раньше работали на Надсмотрщицу, так что нам лучше тут больше не торчать. Я не знаю, что происходит, но я, черт побери, уверена, что это твоя вина.

Она тычет пальцем в прислоняющегося к опоре шатра бродягу. Он пристально глядит на нее. Его глаза медленно закрываются.

– Эй, ты?..

Прежде чем она успевает закончить, Странник съезжает по опоре и падает навзничь.

– Ох, просто прекрасно!

Рана маленькая и чистая. Мелкая предполагает, что он отключился скорее от шока, чем от кровопотери.

За свою жизнь она повидала немало тел, каждое со своей историей, и в большинстве своем эти истории удручающе одинаковы.

В глаза Мелкой бросаются несколько вещей. Мужчина носит с собой меч рыцаря-серафима, что сразу же выдает в нем дезертира, но его руки огрубели в равной степени от труда и сражений. Женщина переворачивает ему руки, кожа с обрат-

ной стороны ладоней гладкая, волоски на них недавно стогрели. Мелкая отмечает, что язык у незнакомца остался цел.

Она осторожно извлекает пулю. Та вошла глубоко и высвободила всю убийственную мощь, но вокруг раны нет паутинки, говорящей об омертвлении кожи. Удивившись, она продолжает обследовать рану, пока не замечает вялый хвостик брюхороя, подогнувшийся Страннику под ребро. Подцепив паразита на маленький крючок, Мелкая извлекает его медленным и плавным усилием, пока ротовая присоска наконец не отрывается. Крошечное существо дымится у нее в ладони, что-то изжарило его изнутри.

Тварь отправляется в миску к шрапнели.

Солнца поднимаются вместе, разделяя небо, как божьи знамена. Мелкая и Странник настороженно выходят на улицу. Мертвый Вентрис лежит ровно там, где и упал, лицом в пыли напротив двери в дом Мелкой. Только без сапог.

С полей доносятся звуки боя. Новости о смерти Надсмотрщицы разнеслись быстро, и люди стремятся воспользоваться ситуацией и отхватить кусок побольше, пока ей не прислали замену. Коза тоже хочет поучаствовать, в предвкушении лучшей добычи она выплевывает матерчатые напальчники. Странник снова крепко держит ее поводок, но коза чует слабость и тянет его на себя. Добивается она лишь того, что ноги бродяги скользят по пыли.

Скрипя зубами, Странник восстанавливает равновесие, и

Мелкая кладет ему руку на плечо:

– Козу не даром туда тянет, нам всем нужно что-то есть. Если мы собираемся выжить в пустошах, то нам потребуются припасы для себя и на обмен. С полей можно унести целое состояние.

Он бросает взгляд ей на руку, а потом снова на лицо.

– Что? Прикосновения доставляют тебе неудобство? Несколько часов назад мне пришлось тебе в потроха влезть, и я уж не знаю, что может быть более личным.

Странник мотает головой и кладет свою ладонь поверх ее. Мелкая тут же вырывается и, выхватив пистолет, бежит на крики.

– Живей, незнакомец, у нас есть примерно три часа, пока стимуляторы еще действуют!

Они бегут к обнесенным оградой полям, сопровождаемые взглядами бесчисленных слабых, что решили переждать в укрытиях.

– Похоже, мы не первые! – кричит Мелкая, от принятых химикатов ее голос звучит воодушевленно. Она указывает на низко прогнувшийся участок забора, что образовал нижнюю половину ощерившейся колючей проволокой улыбки. Прорыв перекрыт мостом из людей – охранников, не сумевших сдержать волну жадных до наживы, насадили на ограждение, образовав из них живой ковер. На их скорченных спинах отпечатались множество следов обуви.

Странник отворачивается.

Он невозмутимо прорезает мечом новый проход через ограду. Проволока разлетается в разные стороны, образуя широкие спирали у них под ногами. Они смотрят, как две противоборствующие армии создают среди хаоса островки сражений. С одной стороны – охранники, с другой – работники. Ни у тех ни у других нет униформ. И те и другие отчаянны. Едиными выглядят лишь мертвые, их фракция уже самая многочисленная. Битва беспорядочна, она вызвана жадностью, а не отвагой. Отважные уже погибли, и груды тел служат защитой для их более осмотрительных товарищей.

Между группами сражающихся есть свободное пространство. С необычайной энергичностью коза находит невытоптаный клочок земли и начинает набивать живот. Мелкая и Странник наполняют мешки драгоценными фруктами и нагружают ими козу. От резких движений и звуков боя просыпается младенец – и тут же выражает недовольство криком.

Странник начинает работать быстрее.

Дремлющий Нерожденный, висящий между изгибающимися над полями трубами, мерно покачивается. Песня умирающих его убаюкивает. Воздух вокруг его раковины дрожит от напряжения, пока что не готовый разорваться.

Выйдя из зарослей пшеницы, к нагруженной козе быстро приближаются трое мужчин, вооруженных острым металлом и ненавистью. Их предводитель едва успевает остановиться. Пистолет упирается ему прямо в лоб.

– Убирайтесь, пока не поздно, – говорит Мелкая. – Потом

начну стрелять.

Они бросают быстрые взгляды друг на друга, на женщину, на ее пистолет. Решение принято, и мужчины удаляются прочь.

Странник кивает, на его лице проскальзывает призрак тень улыбки.

– Нечему тут улыбаться, идиот! – кричит Мелкая. – Нам лучше исчезнуть, пока они не вернулись целой толпой.

Они осторожно прокладывают путь через поля. Повсюду лежат тела людей, находящихся на пороге смерти. Они плачут, молят о помощи, о милосердии, вызывают к матерям. Младенец просто плачет.

Сосредоточив взгляд на горизонте, бродяга идет вперед. Коза борется с ним по дороге, иногда ухватывая возможность лишний раз откусить желтеющий злак, иногда подчиняясь поводку. Они движутся медленно, земля под ногами топкая и полная обломков камней и мусора, но дальний конец поля становится виден неохотно.

Перед воротами собрались люди. Они стадом столпились вокруг мужчины, бахвалящегося силой при каждом движении. Его мышцы крепки и накачаны химией, он уверенно держит винтовку. От оружия к его рюкзаку тянутся синие кабели, искрящиеся от напряжения.

– Ни с места! – кричит он огрубевшим от сурового образа жизни голосом.

Пистолет Мелкой пристально смотрит на винтовку в от-

вет, ни один из людей не моргает.

– А ты, похоже, к успеху идешь, Келл.

– Черт побери, Мелкая, это ты? Я слышал, тебя взорвали вместе с твоим домом.

– Не-а, живая еще.

Келл смеется, его спутники подхватывают его жутковатый хохот.

– Это пока что. Кажется, ты пытаешься меня обокрасть.

– Послушай, не нужно накалять обстановку, просто дай нам уйти, и мы больше не доставим тебе неприятностей.

– Может быть, – отвечает мужчина, проводя пальцем без ногтя по щетине. – А может быть, ты для начала нас немного развлечешь, а потом мы вас отпустим.

– Как насчет развлечь тебя новой дыркой в голове?

Среди группы распространяется напряжение, оружие подрагивает в руках.

Странник выступает вперед с открытым мешком, показывая его содержимое, предлагая плату за проход.

– Ну вот, – произносит Келл. – Похоже, твой приятель настроен чуть менее враждебно.

Мелкая сердито смотрит на бродягу.

– Лучшего предложения от нас ты не получишь, Келл. Мы уходим, а тебе достаются товары на обмен, и не нужно рисковать своими людьми в полях. Договорились?

Он демонстративно изображает раздумья.

– Договорились!

Передав мешок, Странник проходит по узкой тропке между последователями Келла, с обеих сторон сталкивается с ними плечами. В кои-то веки послушная, коза следует за ним. Мелкая уходит последней. Пока остальные пробираются к выходу, они с Келлом медленно разворачиваются, не желая упускать друг друга из виду.

Дитя под плащом у Странника толкается и хнычет.

Все останавливаются, сосредотачиваясь на постороннем звуке.

Странник закрывает глаза.

Его хватают за руки и плечи, ребенок начинает плакать громче.

– Так, так, – довольно выкрикивает Келл. – Похоже, у нас новая сделка. Вы отдаете нам...

Первая пуля выбивает винтовку у него из рук, вторая проходит через колено. Келл невольно кричит, заваливаясь вперед.

Пистолет Мелкой утыкается ему за ухо.

– Вот новая сделка. Ты отпускаешь нас сейчас же, или я тебе мозги свинцом начиню.

– У-у-у, сука! Ты сдохнешь за это!

– Не раньше тебя. Прикажи им нас отпустить.

Келл сплевывает на землю, выдерживая новую волну боли.

– Отпустите ублюдков. Вы меня слышали, дайте им уйти!

Рой запачканных пальцев выпускает бродягу из хватки, и

он идет вперед, добираясь до ворот.

Мелкая наблюдает за ним. Близится миг, когда ей придется спасаться бегством, но вокруг слишком много людей, а у нее слишком мало пуль, чтобы преуспеть. Времени на слезы и сомнения не осталось, и она стискивает зубы, готовясь воспользоваться моментом.

Она оборачивается, направляя пистолет на тех, кто оказался прямо перед ней. Они расступаются, и Мелкая впрыгивает в образовавшийся проход, сосредоточившись на худощавом хвосте козы, который все еще остается в поле зрения. Ее недолгий полет прерывает осколок камня, он бьет ее в висок и оглушает. Между лопаток ей попадает удар кулака, и Мелкая падает на бледную траву.

Странник понимает, что уже поздно. Его руки тянутся к мечу, но они нагружены. Он хочет со всех ног рвануть Мелкой на помощь, но не может ни оставить малыша на месте, ни подвергнуть его опасности в бою. Опустив голову, он продолжает идти вперед.

Собирающаяся вокруг Мелкой толпа ее растаптывает.

С каждым ударом напряжение в воздухе все нарастает. Люди Келла расступаются. Между ними лицом в грязь лежит тело Мелкой, с ее виска стекает ручеек крови.

Будь она одна, ее смерть прозвучала бы не громче шепота. Она не одна. Многие погибли, и каждая смерть добавляет мощи крику, что не слышен смертным, но доносится до иных миров, где требует ответа.

Воздух над полями разрывается пронзительным воплем, и нечто, которого вовсе не должно было существовать, проявляется внутри раковины. Арки из труб скрипят от увеличившегося веса Нерожденного, пока его цепи не лопаются, обрушивая свой груз на несчастных внизу.

Странник оборачивается всего раз.

Поврежденная раковина Нерожденного раскачивается взад-вперед, расхлестывая жидкость из множества трещин.

Высокие травы колышутся, позволяя мельком рассмотреть новый ужас, что зарождается среди полей. Там, где чудовище находит людей, оно пожирает их, ведомое не избирательной одержимостью древних его вида, но неуправляемым, разрушительным инстинктом.

Потоки воздуха над монстром рябят и закручиваются вихрями, пытаясь вновь сомкнуться.

Большинство людей в полях были взяты врасплох, но те, кто оказался вдалеке, прекратили свою мелочную возню. Оружие направлено на новую цель, мужчины и женщины ненадолго объединяются в желании выжить. Тратятся драгоценные пули.

Голоса затихают, лишь лепечет что-то трава.

С полей никто не показывается.

Меч в ножнах начинает мягко гудеть. Странник кладет на рукоять два пальца, но гул не смолкает. Бродяга уходит прочь, оставляя Блажь Кендалла на произвол судьбы.

Глава 7

Мелкие камни ритмично скрипят под ногами. Солнца с бешеной скоростью несутся по небу, расколотые горы едва заметно уменьшаются за спиной. В их неровной тени мерным шагом проходит Странник.

Младенец плачет не переставая. Ни темнота под плащом и тепло руки Странника, ни покачивание от ходьбы по неровной земле не унимают его безутешных криков.

В Убитых Землях мало пропитания, и потому мешки, полные фруктов и прочей пищи, притягивают тощих существ, снующих среди скал. Постоянно появляются новые виды, затем полукровки, после они смешиваются между собой и дальше, до совершенно неузнаваемых гибридов. Люди больше даже не пытаются давать им названий. Большую их часть сваливают в общие кучи: «еда», «опасность» или «помеха».

В конце концов шаги замедляются, прежде затраченные усилия требуют возмещения, отдыха для усталых ног и отяжелевших сердец. Странник выдавливает сок пеши в обиженно поджатые детские губы. Даже сладкий напиток не в силах вызвать у него улыбку, хотя причмокивание и глотание куда благозвучнее назойливого младенческого плача.

Часы проходят, Странник и ребенок держатся друг за друга, иногда урывая себе краткий миг забытья. Когда малыш

дремлет, янтарные глаза бродяги подергиваются.

Нечто дерзает показаться из сумрака, выйти на охоту. Оно движется проворно, остерегаясь опасностей. Короткая перебежка, остановка, снова перебежка, опять остановка. Глаза существа, свисающие с головы на крепких жилистых нитях, подскакивают при каждом рывке. Блестящий язык пробует воздух на вкус, а затем нечто, изо всех сил вращая чешуйчатymi ногами, преодолевает последние несколько метров. Предприимчивый воришка молниеносно мчит к грубой ткани, ища способ пробраться в мешок.

Над его головой движется тень. Она опускается, предвзяемая клином белой шерсти, и раскрывается, пока не блокирует созданию путь. Живая, движущаяся пещера.

Ноги лихорадочно бьются в противоположном направлении, но существо не в силах затормозить, инерция отправляет его напрямик в пещерообразную пасть.

Солнца восходят, коза жует.

Поднимается ветер, хлещет им в глаза, разбрасывает влажные комья песка. Странник продолжает идти, закрываясь рукой от бьющих в лицо облаков пыли.

Вдалеке появляются фигуры, будто вырастающие из земли.

Поначалу эти сооружения кажутся обычными укрытиями. Бродяга припадает к одному из них, опираясь на укреплен-

ную жесткими ребрами пластиковую ткань, которая прогибается, но выдерживает его вес. Дышать становится проще, и он осматривается, прощупывая пальцами края конструкции, на которой сидит. Грубый пластик натянут на каркас, выпирающий из земли под сорокаградусным углом. Внешние прутья толщиной пять сантиметров и предназначены, чтобы выдерживать тяжелые грузы. Его рука останавливается, когда добирается до края каркаса, металл там плоский и заостренный.

Его что-то прорезало.

Помрачнев, бродяга продолжает осматриваться. Что-то лежит прямо под слоем песка и грязи, поврежденное настолько, что кажется чужеродным. Крепче удерживая младенца, Странник копает одной рукой.

Наполовину погребенные в грязи и опрокинутые на бок фургоны каравана удастся различить не сразу.

Как и тела.

Взгляд Странника останавливается на только что раскопанном лице. Иссохшую кожу горделиво украшают язвы. Нечто высосало из тела всю жидкость, забрало глаза и другие органы. Дальнейшие раскопки позволяют спокойно обыскать труп. Изорванные одежды несуразно, по-клоунски, болтаются на сморщенном теле. Бродяга запускает руку меж слоев одежды, появляются новые запахи. Его лицевые мышцы напрягаются, но он не прекращает искать возможные тайники.

Высвобождает руку, заполучив желаемую добычу – монету. Маленькую, серебристую, сверкающую. Странник пристально ее рассматривает, и его угрожают захлестнуть эмоции. С безупречно гладкой поверхности монеты на него обвиняюще глядят янтарные глаза. Под этим взглядом Странник теряет самообладание, его захлестывает чувство вины и горечи.

Растревоженный малыш ворочается у него на руках, пока не находит удобное положение. Во сне нащупывает палец бродяги и крепко его обхватывает.

Странник переводит взгляд с монеты на младенца и обратно.

Мрачно кивая, отбрасывает монету прочь.

Когда ветра затихают после часов неистовства и облака замедляют и прекращают свой бег, открывается сцена бесславной гибели каравана. Она выглядит древней, ее состарило воздействие стихий.

По центру, будто пластиковая пирамида, вздымается крыша фургона. Грязь скатывается с поднимающихся створок, которые откидываются в стороны, раскрывая содержимое. Странник выбирается наружу через люк, жмурясь от света полуденных солнц. Он обходит место трагедии. Малыш подвешен у него под рукой, он вцепился в рукав, следя за тем, как пальцы бродяги отсчитывают тела.

Мертвецов должно быть больше, чем пальцев, но это не

так.

Под ногами у бродяги что-то хрустит. Отшагивая в сторону, он обнаруживает на земле неровность, которая расплывается под его весом с протяжным хриплым свистом.

Малыш хихикает.

Присев, Странник обнаруживает черный резиновый пузырь размером с его кулак, с подведенными к нему трубками. Запасной прибор для искусственного дыхания, ныне бесполезный. Бродяга встает и швыряет его обратно в грязь, от чего устройство присвистывает вновь.

Младенец смеется громче и тянется на звук.

Странник собирается двинуться дальше, но настойчивое подергивание за воротник заставляет его переключить внимание. Он опускает взгляд на младенца и приподнимает брови, получая в ответ такую же гримасу в миниатюре. Бродяга вытягивает брови чуть выше, но малыш снова в точности повторяет его мимику. Какое-то время оба удерживают позиции. В этом соревновании нет ни ясных правил, ни однозначного победителя.

Обе стороны расходятся, сохранив достоинство.

Тем не менее младенец недоволен. Надавив на руку Странника, он показывает на выброшенный прибор. Победил малыш или нет, он хочет свой приз.

Странник покорно передает искусственное легкое новому владельцу.

Он обыскивает место гибели каравана в поисках ценно-

стей. Среди обломков находит ящик, полный расшитой ткани. Часть отрезает для ребенка – новые пеленки с переливающимися на свету девушками и фантастичными озерами. Часть ткани кромсает длинной полосой, которую складывает в несколько слоев и кладет козе поперек спины. Себе Странник делает шарф, укрывая лицо мягкой тканью.

После обнаруживаются контейнеры с едой, треснувший визор и навигационный комплект. Бродяга как можно выше поднимает его проектор, чтобы улучшить работу полухватных солнечных батарей. На них проливается солнечный свет, и в ответ навигатор с горем пополам выводит изображение, неполное и в низком разрешении. Карта земель, которых больше нет. Светящаяся голубым полоска отмечает маршрут каравана. Неподалеку расположен Вердигрис, ближайшее место стоянки, которой уже не случится. Дальше на севере горы, а за ними куча бессмысленных значков, будто закрученных в вихре, разрушенные города, которые перестроили и переформировали по воле Нелюди.

Медленно поворачиваясь, Странник рассматривает горизонт в визор. Вдалеке он замечает застывшую, словно камень, фигуру, напоминающую формой человека. Она наблюдает.

Вскоре путники покидают караван и направляются к горам. Они держат быстрый темп, и безымянная фигура остается позади.

Бродяга не расслабляется.

Они все идут, временами останавливаются перевести дыхание, пересмеиваются и даже засыпают на краткий миг, но привала до темноты не устраивают.

Их появление не остается незамеченным. Из трещины в земле показывается любопытная кожистая голова. Местный обитатель рассматривает лагерь путников, но вид этот ему не нравится, и он скрывается под землю.

С первыми лучами солнц бродяга снова смотрит в визор. Вдалеке, там, откуда он пришел, стоят две фигуры. На юго-востоке он видит еще одно очертание, удаленное от первых двух, но выглядящее точно так же.

Хмурясь, он убирает визор. Крохотные пальцы тянут его за воротник, и он опускает взгляд. Ребенок поднимает брови, но в этот раз Странник не отвечает. Он хватает поводок козы и резко дергает его на себя, уводя всех от преследователей.

Потрясенный младенец замирает у него на руках. На детском лице отражаются все возможные выражения. Он пробует снова, со свежими силами – глаза широко раскрыты, брови тянутся ко лбу.

Мельком глянув вниз, Странник едва не расплывается в улыбке, но его внимание тут же переключается сначала на север, потом на юг, и от увиденного в обоих направлениях он мрачнеет. У него из-под ног взлетает пыль, подхватываемая вновь налетевшим ветром.

Его снова дергают за воротник. Резкий взгляд, брошенный вниз, встречен с удивлением, и лицо малыша заостряет-

ся, предвещающая грозу. Он сердито глядит во все глаза.

На миг они отвлекаются от напряжения, и на лицах расцветают две улыбки.

Они спешат. На них извергаются облака грязи, заслоняя остальной мир. Странник всматривается в затемненную гущу впереди, его глаза слезятся. Он часто оглядывается через плечо, но куда бы он ни посмотрел, везде то же удручающее зрелище.

Впереди возвышается похожее на частокोल сооружение из кости, выставленное на обозрение, словно начищенный перед каким-нибудь торжеством доспех. Массивный реберный остов высотой в несколько метров был выстроен своим демоническим хозяином, но сейчас он заброшен. Странник завешивает ребра тканью, сооружая цветастое укрытие. С каждым порывом ветра вышитые женщины выплясывают неистовые па.

Группа выжидает, пока не стихнет ветер, коротая время за едой, отдыхом и доением козы.

Когда снаружи становится спокойно, бродяга, поднявшись, оглядывает горизонт сквозь визор слева направо. Он видит три знакомых силуэта, все еще разделенных, но уже сближающихся. На юго-западе из пыли появляются четвертая и пятая фигуры.

Бродяга разрезает тканое укрытие прямо поперек озер и готовится бежать.

Пыль оседает, и Вердигрис впервые открывается взору.

Четыре его башни обрушились, но три непреклонно возвышаются, на их вершинах ярко сверкают громадные диски – золотистые уши, согретые закатными лучами второго солнца.

Между путешественниками и башнями возникает шестая фигура, стоящая слишком низко, чтобы до нее доходил свет.

Странник замедляется, мышцы его лица напряжены. Ловушка.

Охотники подбираются медленно и неизбежно.

Странник часто оглядывается, и с каждым разом они все ближе, но ему никак не засечь их в движении. Пятеро ведут преследование, загоняя жертв на шестого, который дожидается впереди, преграждая путь в Вердигрис, к безопасности. Солнца в небе клонятся к закату, опережая обе группы.

Несмотря на недостаток света, бродяга различает черты фигуры впереди. Это своего рода рыцарь, до гибели бывший из числа серафимов, а ныне воскрешенный как демоническое отражение былого себя. Под его броней незримо клочечет, нарастая, жажда освободиться. Она искажает металл его доспехов, колышет плащ. Из-под шлема клубится дым, выделяющий все швы и трещины.

Коза с непреодолимой стойкостью отказывается сделать хоть шаг вперед. Странник и не пытается ее заставить, он медленно присаживается, оставляя малыша посреди дорожной грязи. Слышен хриплый свист, а после смех. Бродяга не

обращает внимания. Поднявшись, он с бесстрастным лицом смотрит на рыцаря.

Их разделяет только тридцать метров, бродяга быстро преодолевает это расстояние. Его меч на боку дрожит в предвкушении. Странник выхватывает оружие. Последний луч солнца озаряет этот краткий миг, окрашивая острие золотом.

В ответ рыцарь поднимает разбухший меч, оружие из искаженного металла и живого нефрита, невообразимое и страдающее.

Позади них, не слишком близко, но и не далеко, раздается эхо. Пять стонов присоединяются к первому, и последним с северо-востока доносится еще более протяжный измученный вопль.

В образовавшейся какофонии никому нет дела до хныканья малыша.

Странник нападает с поднятым клинком. Когда он сближается с врагом, его направленный вниз по дуге удар замедляется, меч с трудом проходит сквозь загустевший от демонского воя воздух, и рыцарь жестко отражает атаку.

В ответ следует мощный, смертоносный выпад.

Бродяга, не дожидаясь удара, отшагивает с резким разворотом и вновь атакует. От доспеха отваливается бугрящаяся пластина. Странник видит открывшуюся плоть рыцаря, пристывшую влажным лоскутом к иссохшим костям.

Рыцарь больше не пытается достать проворного против-

ника, он со стоном обороняется, удерживает его на расстоянии. Рыцарь знает, что не сможет победить. Но ему и не нужно.

Его отряд неумолимо приближается.

Странник делает ложный выпад слева, отходит вправо, пробивает брешь в обороне противника, но не атакует, продолжая двигаться, поворачиваясь быстрее рыцаря. Оказавшись у него за спиной, бродяга наносит низкий удар, с торжественной нотой разрубающий врагу кости и коленные суставы.

Пошатнувшись, инферналь со стоном валится наземь, а Странник за то время уже умчался назад и теперь свободной рукой подхватывает малыша и поводок козы.

Бродяга поднимает взгляд. Враги слишком близко, их чудовищные искореженные мечи уже нависают над ним.

Он бежит. В этот раз коза с радостью подчиняется.

Вердигрис приближается – это вселяет надежду. На фоне его очертаний возникает громадная фигура с оружием наготове, готовая отрезать группе путь к отступлению. Седьмой рыцарь, похожий на остальных, но гораздо крупнее их и более целеустремленный. Новая угроза заставляет Странника ускориться.

Рыцарь неуклюже бросается к нему с выставленным вперед мечом.

Странник ощущает на себе дыхание скорбной песни рыцаря, но минует врага невредимым, не растеряв скорости.

Рыцарь продолжает нестись вперед, не в силах остановиться. Замедляясь, пытается развернуться, но он не способен сравняться со своей юркой целью и вынужден смотреть, как Странник приближается к укрытию за городскими стенами, вне досягаемости его меча. Обозленный рыцарь убивает скорбно плачущее оружие в ножны и вытягивает вперед короткую пику.

Что-то пролетает мимо плеча бродяги, с чавкающим звуком прожигая камень городских ворот. Он разворачивается, выставляет перед собой меч в защитной стойке и продолжает пятиться к воротам. Спустя несколько секунд вслед за первым раздаются новые выстрелы. Странник рассекает заряды в воздухе, их пылающие осколки рассыпаются вокруг. Один поджигает полу его плаща, другой задевает хвост козе.

Пламя разрастается, коза протестует, но они бегут дальше, оставляя следом полосу дыма, пока не исчезают в объятиях Вердигриса...

Глава 8

Рыцари Нефрита и Пепла выстраиваются вокруг павшего собрата. По кивку командира четверо из них подбирают туловище, а пятый – ноги. Это не первый случай, когда их оболочки оказывались расколоты, хотя такое происходило очень редко. Они запрашивают разрешения на воссоздание.

Но что-то не так. Тело слишком легкое и хрупкое. Внутренности засохли и больше не способны сохранять организм целостным, подобно демоническому клею. Закованный в броню торс оседает прямо у рыцарей на руках, прах высыпается из него наземь.

Они осматривают брошенный меч. Он тоже изменился, нефрит поблек и стал неподвижен. Командир подталкивает меч сапогом, и оружие исходит вдоль клинка ветвящимися тысячу раз трещинами.

Рыцари непроизвольно отшагивают.

Из-под сводчатой арки городских ворот доносится новый звук, три челюсти не особо ритмично гремят друг о друга в некоем подобии смеха.

Рыцари подступают к воротам, настороженные затаившимся за ними пришлецем.

Вердигрис нельзя назвать нейтральным, это город двух господ, с каждым минувшим днем раздираемый немного больше. В светлое время дня он принадлежит Нелюди, по но-

чам – Узурпатору. В часы сумерек привычные порядки постоянно нарушаются.

Обычно командир не стал бы действовать, пока ночь окончательно не наступит, инстинкты кричат о необходимости подождать, но приказу Узурпатора невозможно противиться. Рыцарь ступает через длинный сводчатый проход, и отряд, следуя за предводителем строем, замедляет шаг. Командир держит руки низко, пустыми ладонями вперед. Выжидает.

Из теней спешно показывается Лоскутник, время от времени – герцог, Южный Лик Нелюди. Кажущийся под своей мантией бесформенным движущимся комом грязи, он будто скользит по земле. Короткие ноги, невидимые под его телом, работают изо всех сил, пока он не подбирается к предводителю рыцарей ближе, чем на полметра. В один протяжный глубокий вдох Лоскутник вытягивается, его тощее тело поднимается под разноцветной тканью, пока он не сравнивается ростом с командиром. Маленькое пухлое лицо скользит под мантией, взбираясь по телу, пока не добирается до капюшона, откуда резко вырывается наружу, высовывая язык.

Шлем командира подается вперед сильнее, чем необходимо. Сущности рыцаря и Лоскутника соприкасаются, каждый ожесточенно давит на другого, испытывая его, и тем самым задает тон событий, что вскоре последуют.

ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Двое парней беспокойно дожидаются возвращения своих героев. Юность выделяет их среди всех оставшихся — когда армия проходила через их деревню, всех молодых и пригодных к службе рекрутировали.

К их невыносимому разочарованию, они все пропустили. Пропустили проплывающий по небу дворец Гаммы, армии Крылатого Ока и рыцарей-серафимов.

Хуже того, они прохлопали шанс стать героями.

А все потому, что их родители были слишком напуганы и спрятали их, обманом заманили в подвал и крепко заперли до тех пор, пока армия не покинула деревню. Они осознанно пошли на такие меры, чтобы не позволить детям поступить на службу.

Эгоистично. Объяснимо. Мудро.

Но родители не могут защищать детей вечно, а молодые люди настроены весьма решительно. Они вознамерились не покидать подвала до тех пор, пока войско Империи не вернется. Тогда они свершат ритуал милосердия, и рыцари будут вынуждены их принять.

Чтобы отогнать скуку, парни обсуждают, какой станет их жизнь, рассказывают друг другу много раз слышанные истории о рыцарях и сплетни о том, как тренируют оруженосцев.

И наконец, когда люди замечают на юге движение, истории уступают место реальности.

Со стороны Разлома по сельским дорогам проезжает ме-

таллическая змея. Она движется на толстых гусеничных платформах, ведущие колеса которых покрыты алмазным слоем. Из каждого сегмента машины выступают двойные трубы, оставляя дюжину дымовых шлейфов.

Селяне торопливо сбегаются, размахивая сотней домо-
тканых флагов в знак почести Крылатому Оку. Они счастли-
вы приветствовать своих возвращающихся заступников. Но
радостные выкрики умирают у них на устах, когда змей ока-
зывается ближе. Его серебристая кожа испещрена трещина-
ми, а одна из труб расколота и извергает горячий черный
дым на каждого, кто оказался слишком близко.

Молодой рыцарь, правящий змеей, приказывает толпе
расступиться. На нем нет шлема, и все его лицо поросло ак-
куратной темно-русой щетиной.

Ошеломленные селяне подчиняются, флаги теперь вяло
болтаются в опущенных руках. Нет нужды задавать вопросы,
все уже знают, что бой проигран. Однако они не знают, что
эти рыцари убегают от врага, что скоро инфернальный потоп
в погоне за своей добычей захлестнет эти поля, смывая их
деревню и весь их привычный образ жизни. В грядущие годы
потомки этих людей забудут учение Крылатого Ока, Семе-
рых и их рыцарей-серафимов. Они запомнят только то, что
их подвели, когда помощь была нужнее всего.

Только двое парней, еще слишком наивных, чтобы осо-
знать весь ужас, дерзко стоят посреди пустеющей дороги.

Рыцарь орет на них со своего сиденья в открытой пасти

змея:

– Катитесь с дороги к чертовой матери!

Юноши не спешат подчиняться. Они переглядываются между собой, потом поднимают глаза на рыцаря и произносят нараспев в один голос:

– Мы вершим ритуал милосердия. Спаси нас, защити нас, убереги нас.

Разразившись кратким проклятием в адрес небес, рыцарь приглашает их войти.

Через несколько миль к северу металлический змей выпускает черный дым и умирает. Чешуйчатые бока, остывая, шипят на последнем издыхании.

Рыцарь-Командор зовет своего последнего воина и новоявленных рекрутов. Дневное путешествие тяжело отразилось на нем, и он знает, что достиг предела прочности, что в душе разбит и сломлен.

– У меня только один приказ. Доставьте груз в Сияющий Град любой ценой. Провал недопустим, все остальное дозволено. Это все. – Трое подчиненных впитывают услышанное. Даже все вместе они не сравнятся по габаритам с рыцарем. – С этого момента командует сир Аттика, вы получите указания от него.

– А как же вы, Командор? – Младший рыцарь с трудом не позволяет эмоциям отразиться на лице.

– Я сегодня не в настроении убегать, Аттика, зато в настроении кого-нибудь пристрелить. Усадите меня за турель

и можете выдвигаться в путь.

Парни выросли привычными к тяжелому труду, и они быстро переносят пожилого рыцаря, в доспехах и при прочем снаряжении, к возвышающемуся на спине у змея алмазному орудию.

Аттика пристегивает командира к точке управления турелью. Там, где мускулы не в силах его удержать, справятся пластиковые ремни.

– Командор, я не уверен, что справлюсь, – слова неловко срываются с языка молодого серафима.

Рыцарь-Командор вселяет в своего последователя храбрость с помощью личного авторитета, статуса легенды и лжи. Аттика покидает его полным решимости и даже держится прямее, чем до их разговора. Снова оставшись один, Рыцарь-Командор готовит к запуску коммуникационную ракету и записывает полный отчет о трагедии. Его речь остается бесстрастной, даже когда он описывает масштаб вторжения, и природу врага, и судьбу отважных рыцарей и солдат, что дали ему бой. Голос подрагивает лишь в тот момент, когда он говорит о гибели Гаммы. Он проигрывает отчет трижды, затем дожидается, пока пройдет предпусковая проверка ракеты.

Новопосвященные оруженосцы несут припасы, Аттика – продолговатую лакированную коробку. Далеко у них за спиной начинают подниматься столбы дыма, будто пальцы на тянущейся к небу руке туманного великана. Дым идет от де-

ревни, его запах настигает путников, заставляет обернуться.

Ноша парней падает на землю, но им нет до нее дела. Юноши бегут обратно к деревне. Аттика их окликает.

– Но это наш дом, мы должны помочь! – возражает один.

Второй продолжает бежать. Взбирается на холм, который они только что обошли. Редкие травинки клонятся к земле, образуя на его вершине желто-зеленый начес. От жуткого зрелища парень застывает как вкопанный. Двое оставшихся догоняют его и становятся рядом.

Они наблюдают, как живое темное пятно, подобное гигантской амебе, разрастается за пределы деревни. Оно прощупывает мир вокруг, пробует на вкус землю, что-то выискивает. Его растущие границы отмечает оскаленная масса когтей и клыков.

– Нам нужно идти, – слова пролетают мимо ушей пораженного юноши.

– Идем! – повторяет Аттика.

Мгновением позже все трое бегом срываются с места.

И больше не звучит ни единого слова.

Глава 9

Странник бежит по главной улице Вердигриса. Отчетливый стук сапог и копыт о твердый камень перемежается воплями козы и резким запахом дыма. Все прочие опасности сейчас не так страшны, и бродяга от них отвлекается. Ринувшись в переулок, он на мгновение замирает, его взгляд мечется между горящим плащом и танцующим на хвосте козы пламенем. Меч опускается раз, другой – и жилистый хвост, ярко полыхая, летит наземь.

Не проявляя обычной заботливости, Странник кладет малыша и меч на дорогу, после чего падает и катается по земле, пока не сбивает огонь.

Поднимается, подбирая ребенка одной рукой, а другой зажимая козе пасть. Оба бросают на него укоризненные взгляды.

Он ждет, пока все успокоятся, и лишь тогда прячет меч и смотрит в визор. Усиленный линзами устройства взгляд пронзает ночь.

За ними никто не следует.

Во мраке еле слышно гудят генераторы энергии. Как и все и вся в Вердигрисе, они затихли в решительном ожидании наступления Темного времени, в которое городом повелевают силы Узурпатора. Когда час приходит, повсюду оживают

беспорядочно разбросанные мерцающие огни фонарей и вывесок, озаряющие все лживым светом. По сигналу люди покидают дома. Магазины снова открываются, занавесы из цепей отодвигаются прочь из виду, двери со скрежетом отворяются. Вывески поднимают, переворачивают перепачканными сажей руками и с грохотом возвращают на место. Сотни баннеров, воздающих почести Нелюди, моргают и гаснут. Включившись вновь, они прославляют Узурпатора.

Вскоре раздается множество выкриков, сливающихся в гвалт. Одни врут и на все лады приукрашивают события, делая вид, будто еще есть надежда, другие озвучивают предложения и пытаются сторговаться. За отнятое у избитых здесь назначают несбиваемые цены.

Люди растекаются по улице подобно рвотным массам, объединяясь в толпы.

Не обращая внимания на происходящее вокруг, Странник пробирается сквозь скопления людей, пока поводок резко не натягивается и не отдергивает его руку назад. Коза силится обернуться и посмотреть на обгорелый и еще дымящийся над ее задом обрубок.

Странник останавливается, а тот, кто остановился на рынке Вердигриса, неизбежно привлечет к себе внимание.

– Я погляжу, у тебя со зверюгой беда? Она стареет, не так ли? Старая и усталая, и мне ли не знать, каково это! – Болтовня прерывается только смешками, частыми, быстрыми и притворными. – Забавное дело с этими животными, с года-

ми они становятся только упрямее. Совсем как мои дети!

Снова смех.

– Но прошу прощения, где же мои манеры? Меня зовут Эззи, а тебя?

Странник моргает. Рука Эззи змеей обвивает его плечо, направляя меж потных тел к широко раскрытым дверям.

– И сколь благородно это имя! Я рад с тобой познакомиться, и отныне тебе следует считать Эззи своим другом. Вердигрис – великолепный город, полный чудес, но многие из них скромны, не то что женщины! Да брось ты, это всего лишь шутка от Эззи. Тебе в подарок. Наслаждайся, потому что это единственное, что ты получишь этой ночью бесплатно, уж это я обещаю! А теперь пойдем, мой неулыбчивый друг, я знаю место, где мы можем решить все наши вопросы.

В магазине тесно, сломанная техника и старые обтягивающие комбинезоны соревнуются со все нарастающим слоем грязи за ограниченное пространство. Между стеллажами с шестеренками втиснулся полукровка с голыми плечами и покрашенными в фиолетовый волосами. В руках у него дымится тонкая крепкая сигарета, а лицо скривилось в проплаченной улыбке.

– Добро пожаловать в мой магазин. Будь как дома. С Синяком ты точно поладишь, – костлявая рука указывает на курильщика. – Он прямо как ты, такой же неразговорчивый. И такой же страшный, а? Не всем же быть такими красавцами, как Эззи!

Кроме очередного смешка, не слышно ни единого звука.

– Ты не любитель шуток, как я вижу. А теперь скажи мне, что ты думаешь вот об этом? – Из хаоса на полках появляется поцарапанный металлический цилиндр, оканчивающийся торчащими, как растрепанные волосы, трубками. – Может, вид у этой красотки не такой уж и презентабельный, но это замечательный мертвотех, только что доставленный из Дивенбурга. Она сможет производить молоко. Прямо как твоя зверюга, только капризничать не будет.

Странник качает головой.

– Ты считаешь, что Эззи безумец, но это не так! Позволь я объясню, как оно работает. Мы просто вырежем нужные органы у твоего животного и поместим их в цилиндр. Чудодейственное устройство поддержит в них жизнь и будет стимулировать так, чтобы они давали молоко, когда тебе угодно. Ты выглядишь так, будто много путешествуешь – а теперь представь, как здорово будет иметь свежее питье даже посреди Убитых Земель? Воистину мы живем в эру чудес!

Странник не отвечает.

– Ты беспокоишься о цене. Позволь Эззи унять твой страх. Цена будет честной, и ты даже сможешь частично расплатиться остатками освежеванной туши – вот тебе свежее предложение! Улавливаешь? Ах, точно, не любитель шуток. Ты готов совершить обмен?

Развернувшись, бродяга идет к выходу из магазина.

– Да постой же! У меня еще есть то, что тебя заинтересует.

Много всего. И ты не захочешь пройти мимо!

Люди на улице едва проталкиваются друг мимо друга. Между ними без усталости снуют похитители кожи, выискивая миниатюрными клешнями новые образцы. Нечто необычное будоражит толпу, заставляя двигаться прочь от южных ворот Вердигриса. Среди встревоженных лиц мелькают мерцающие шлемы. Шестеро хищников вселяют страх.

Странник и коза разом отшагивают обратно.

И каждого уже дожидается рука, обхватывающая шею.

– Друг мой, ты сделал правильный выбор! И на этот раз Эззи предоставит слово тебе. Скажи, чего желаешь, и Эззи достанет для тебя, что угодно или доставит тебя, куда нужно. Так чего ты ищешь, друг?

Странник тянется к двери и начинает ее закрывать.

– Ты что творишь? – Обеспокоенный странным поведением гостя, Эззи возникает между ним и улицей. Пока торговец осматривается, его голова покачивается. – Эззи заметил, что назревают проблемы. Но нас они не касаются, мы же ведем дела со смертными, не так ли? Не закрывай дверь, а то ненужное внимание привлечешь. Будет лучше, если ты останешься здесь и мы заключим сделку. Эззи найдет тебе безопасное место. А ты проживешь долгую счастливую жизнь. Понимаешь?

Кивая, бродяга достает из мешка фрукт и бросает его мяле.

Эззи улыбается, потирая нос о плотную кожуру.

– Пеша прекрасно подойдет! У тебя есть еще? Конечно, есть, ты же мудрый и богатый человек. Идем со мной, и не беспокойся, ты теперь в надежных руках.

Странник протискивается между горами мусора и затертых сокровищ. И без того небольшое подсобное помещение стало еще меньше после наплыва загадочных предметов, укрытых тряпьем. Вдоль одной из стен стоит кровать, напоминающая мозаику из подобранных где-то кусков резины и поролона, связанную воедино проволокой.

– Добро пожаловать в мое святилище! – напыщенно возвещает Эззи. – Этой ночью ты будешь здесь в безопасности. А теперь поделись со мной своими мечтами, и я обеспечу их исполнение по очень доступной цене!

Под звук машинального смеха Эззи похлопывает Странника по руке, и мышцы на ней тут же каменеют.

– Какой ты напряженный, друг. Может, хочешь чего-то, что вернет тебе улыбку, а? У меня есть друг, а у него есть девочка, самую малость оскверненная! – он покачивает пальцем для подчеркивания момента. – Хочешь, чтобы Эззи позволил вам встретиться? За небольшую доплату я разрешу воспользоваться комнатой. Что скажешь?

Странник быстро качает головой.

– Это еще почему? Ты даже не дал Эззи рассказать тебе о ней, а девушка хорошая, усердная. Эззи напишет словами ее портрет, и ты не сможешь устоять! – Странник подается вперед, но потока слов это не останавливает. – Она бойкая, с

отменным здоровьем, никакой сыпи, никаких наростов. Эззи предлагает своим друзьям лишь то, качеству чего доверяет сам. О, а ее бедра столь... столь... Что-то не так, друг? Что-то у тебя вид какой-то недовольный. Ах, теперь Эззи видит.

Владелец магазина громко стучает себя по лбу пальцем.

– Это же очевидно, Эззи был слеп и просит прощения. Забудь о девчонке, она для тебя слишком проста. Но еще у одного моего друга есть кузен, красивый парень с крепкими мускулами и роскошной татуировкой от самого кончика...

Странник хватается опускающуюся руку прежде, чем торговец успевает показать, где именно расположена татуировка. Он снова качает головой, на этот раз медленно, удерживая на себе взгляд Эззи.

– Ладно, ладно, ты серьезный человек с очень крепкой хваткой и хочешь, чтобы оно и дальше так оставалось! Я все понял. Но дай Эззи хоть что-то! Что тебе нужно? Я для тебя чудеса сотворю, но сначала скажи, какой товар тебя интересует.

Он освобождает Эззи из хватки и достает навигационный комплект, освещая мерцающим светом пол между их ногами.

– Печально, да? Видеть на картинке то, чего больше нет?

Странник показывает на изображение гор и щелкает пальцем в сторону севера.

– Так ты хочешь отправиться в Дивенбург? Друг мой, это прекрасное место, но уж поверь словам Эззи, оно не для те-

бя. Лучше останься здесь, обустрой жизнь. Или отправляйся на юг, вернуться тебе будет гораздо проще. Узурпатор в своих городах принимает всех, но северные ворота охраняются, и для таких как ты они закрыты, – фигура Эззи сотрясается с театральным вздохом. – Но Эззи видит, что ты настроен решительно. Все можно устроить, но это потребует чуда, при том дорогостоящего. Ты пока спрячься здесь от чужих глаз, а Эззи пойдет посмотреть, что можно сделать для тебя, мой жадный до странствий друг.

Эззи с отточенной легкостью проскальзывает в магазин.

– Синяк, присмотри за клиентами. И не забудь, никто не должен уйти без покупки. А что до тебя, зверюга... – Он подбирает тяжелый кусок полосатой пластиковой ткани и перекидывает козе через голову. – Твою шерстистость надо прикрыть. А если на пол мне насрешь, то Эззи отведаст козы глаза на ужин, ха-ха!

Синяк наблюдает за уходящим хозяином, и улыбка на его лице перетекает в презрительную усмешку.

В отсутствие лавочника наступает черед других звуков. Беспорядочные щелчки механизмов и суетливые шаги слышатся прямо за стенами здания. Уличная суматоха не стихает, хоть и стемнело.

С изнанки плаща Странника давят крохотные ручки. Он кладет малыша на кровать и приступает к осмотру комнаты, поднимая все крышки и покрывала. Непарные серьги сложены вместе с кольцами для сосков и украшениями для

пирсинга носа, и все слишком начищены, чтобы их история оказалась чистой. В углу из-под тряпки высовываются неподвижные пальцы ног. Нахмурившись, бродяга срывает покрывало и обнаруживает безголовую женщину из пенообразного материала с расплюснутыми боками. Он бросает кусок ткани обратно и прекращает обыск.

Комнату наполняет новый запах, едкий и резкий.

Малыш хихикает.

Вздыхая, Странник сворачивает испачканную тряпку и прячет этот «сувенир» подальше. Маленькие ножки восторженно дергаются, танцуя под никому не слышный ритм.

Проходят часы. Малыш пьет, ворочается, спит.

Шаги оповещают о возвращении менялы. Ребенок вновь оказывается поглощен нахлынувшей на него полой плаща.

– Теперь все стало ясно! До Эззи дошли слухи о странных делах. – Взмахом руки он указывает на Странника. – У Эззи есть много друзей, и они поведали ему о том, что рыцари Узурпатора пришли сюда, когда им не дозволено, вошли в город до прихода Темного времени. Можешь представить себе подобное? Они разыскивают человека. Кто-то говорит, что он убил одного из них. Невозможно, да, но тем не менее они здесь. Эззи слышал, что эти рыцари бросили вызов герцогу Нелюди. Победит тот, кто первым заполучит нужного человека. Обе стороны жаждут победы, и они очень много заплатят всякому, кто им поможет. Понимаешь, да?

Рука бродяги медленно тянется к рукояти меча.

– Весь Вердигрис ищет этого человека. Если он хочет ускользнуть, ему необходимо быть умным, иметь могущественных друзей и огромное состояние. Эззи может быть таким другом, он нашел людей, которые могут помочь, но они боятся. Эззи боится. Однако у всего есть цена, и если есть чем платить, то купить можно хоть свободу, хоть смелость.

Поднявшись, Странник снимает с козы кусок ткани и отвязывает мешок с фруктами.

– Ага, Эззи весь внимание. Что еще у тебя есть?

Глаза Странника сужаются.

– Раньше одного мешка пеши было бы достаточно. Но теперь все изменилось. Сейчас тебя разыскивают все, кто только может. Если нас схватят, то случится ужасное, и что тогда будет с тринадцатью детьми, тремя сестрами, больным братом, который кашляет кровью, голодными женами и любовницами, поддерживающими Эззи на плаву?

Тощую козу избавляют от ноши, а все мешки с фруктами выкладываются в ряд между мужчинами.

– Этого хватит, чтобы Эззи обеспечил тебе маскировку, провел до ворот безопасным путем и даже подкупил охранников. Но потребуются отвести от тебя лишнее внимание. И за это придется раскошелиться. Ты же понимаешь, что чудеса дешевыми не бывают, а?

Странник протягивает ему лежащую на ладони монету, слишком яркую для тусклой комнаты. Эззи всматривается в блестящий диск.

– А это что, еще одна загадка? У Эззи слов нет! За такую редкость сейчас дают хорошую цену на рынке. – От радости у торговца вокруг губ проступает пот. – Это хорошо, очень хорошо. Эззи принимает твоё предложение.

Он берет монету, целует и убирает с глаз долой, её мягкое свечение исчезает в складчатом рукаве.

– Почему ты все еще глядишь на Эззи? А, ты ждешь сдачу. Разумеется, обычно Эззи дал бы что-то взамен, чтобы уравновесить стоимость столь ценного дара, но не все так просто. Монета стоит дорого, так? С этим не поспоришь, но большинство их было конфисковано, и попытка её продать вызовет вопросы. Эззи не в восторге от вопросов такого рода. Стоит обеспечить тебе отвлечение внимания и заплатить за право продать монету, и бедному Эззи останется всего ничего. Так что как это ни прискорбно, я ничего не могу предложить на сдачу.

Странник вздыхает.

– Нечего печалиться, мы заключили сделку, – Эззи хлопает рукой об руку. – Теперь, друг, если ты хочешь покинуть Вердигрис, сохранив все свои пальцы, нам нужно приступить к делу!

Не прекращая потока комментариев, меняла роется в комнате. Под ногами у него начинает разрастаться куча вещей.

– Эззи видит проблему. Вы слишком странные, вас просто заметить. Но не бойся, друг, вот и решение! – Лавочник

достаёт пару рогов из раскрашенного пластика, напоминающих костяные.

– Для твоей животины, – поясняет Эззи. – Она будет выглядеть как осквернённый самец, ага? Ещё Эззи даст для нее горб и фальшивый сдвоенный хвост. Да ты сам ее не узнаешь! Раньше костюмы пользовались спросом, некоторым клиентам нравилась скверна, казалась сексуальной, понимаешь? Да еще бы ты не понимал! Но сейчас рынок переполнен настоящим товаром, и стало так тяжело сбывать костюмы.

Владелец магазина изучает бродягу, покачивая головой и надувая губы.

– С тобой будет хлопотнее, Эззи придется кое-что купить. – Он предлагает Страннику стопку перепачканной сажей одежды. – Вот надень, пока Эззи не будет, а свою одежду убери в отдельную сумку, и мы ее в горб спрячем. Они разыскивают человека с оружием, а мы предоставим им совершенно другую картину.

Эззи уходит. Становится тихо.

Странник начинает одевать козу, затащив ее в подсобку. Он прикрепляет рога, хвост и горб, в котором прячет плащ. Меч оказывается слишком велик для горба, и его бродяга привязывает к паре кривых и ржавых кольев, заворачивает их в старую мешковину и подвешивает к уже перекинутым через спину козы сумкам. Козе на все это наплевать, она лезет носом в мешок и показывается уже с украденным фрук-

том.

Странник переключается на собственное снаряжение. Он накидывает на голову огромное пончо из изношенного полиэтилена, свободно подвязывает его в районе талии и просовывает малыша внутрь. Ребенок тихонько покашливает, но не просыпается. Странник ждет.

У двери раздается пыхтение.

– Хорошие новости, друг! Эззи нашел превосходную штуку у некроторговцев! – Лавочник появляется, доставая нечто длинное, покрытое отрезками и мертвое. – Впечатляет, не правда ли? Подойди ближе, понюхай.

Бродяга зажимает нос и отшатывается.

– Да! Видишь, друг мой? Мы замаскируем тебя не просто под оскверненного, а под больного. Приделаем к тебе это щупальце, добавим побольше вкладок под одежду и слегка польем соком. Пусть думают, что у тебя протечки. Никто и близко не подойдет, так что никаких обысков и никаких неприятностей.

Глава 10

Рыцари Нефрита и Пепла возвращаются к воротам с пустыми руками.

Их командир затаился под аркой. Застыл без движения, переопределяя границы своего естества, отбрасывая след в сущности, что был оставлен соприкосновением с Лоскутником, и эхо Нелюди. В разуме роятся новые мысли, появившиеся после смещения их душ. Лоскутник напуган появлением рыцарей, боится того, что им станет известна некая тайна. Он не ждал их прихода.

Отряд выстраивается в круг, и все наклоняются к его центру, соприкасаясь забралами. Их сущности сливаются, и мысли бегут как одна.

– Вы нашли Злость?

– Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Все не так, как должно быть.

– Вы обнаружили след оружия?

– Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Там, где должен быть седьмой, пустота.

– Лоскутник выйдет на контакт с врагом.

– Они будут сражаться с нами?

– Они будут искать то, что принадлежит нам. Мы должны продолжать охоту.

– Да. Да. Да. Да. Мы стали слабее. Меньше. Злость и нас заберет?

– Продолжаем. Охоту.

Рыцари разделяются и выстраиваются за спиной у командира, один в шаг от другого.

Люди убираются у них с дороги, прижимаются к стенам, тарашатся. Командир ощущает неправильность происходящего. Видит, как люди отшатываются, но не разбегаются, их возросшая смелость беспокоит рыцаря.

Перед ними вырисовывается здание, изначальные стены которого скрылись под листьями ремонтных материалов, а те поросли желтеющей кожей. Над домом гордо реет знамя Узурпатора. В отличие от остального Вердигриса, здесь ему сохраняют верность всегда.

Рыцари проталкиваются через неохраемые двери и проходят в глубь дома, минуя дремлющих полукровок. Они проходят в полный живой плоти зал с пульсирующими стенами, обтянутыми кожей и испещренными кровеносными сосудами. Среди плоти угнездилось нечто. Существо вскакивает, приветствуя гостей, его черты скрыты под просторным облачением. Командир припоминает, что раньше оно было крупнее.

Чудовище уклоняется от прямого контакта, но командир не оставляет ему выбора, извлекая наружу его изорванную сущность.

– Ты... здесь... почему?

– По воле хозяина.

– З... зачем?

– Где остальные?

– Я...

– Где наши союзники?

– Они...

– Что они с тобой сделали?

Воспоминания разрозненны и сумбурны, но и того, что есть, достаточно. Командир сжимает кулаки, и опустевшая оболочка между ними рассыпается в прах. Вот что скрывал Лоскутник. Лояльные Узурпатору силы в Вердигрисе уничтожены. И произошло это не в последнее время, что позволило Нелюди укрепить власть в городе. Ее культы разрастаются, привлекая неофитов, ее некротех заполняет рынки. Она уже правит Дивенбургом и Слейком, а Вердигрис не принадлежит ей разве что номинально. И если переворот завершится успешно, то об этом прознают остальные инферналы, и тогда они усомнятся в величии Узурпатора и соберутся под знаменем Нелюди или самолично бросят вызов хозяину. Мысли командира полны беспокойных вопросов. Как Нелюдь стала настолько могущественной? Как это осталось незамеченным? Почему повелитель об этом не знал?

Небольшая группа плетется по главной улице Вердигриса. Людей вокруг почти нет, все бессознательно ищут укрытия до окончания Темного времени. Немногие отчаянные заканчивают дела, ухватывая товары по дешевке.

Внимание тех, кто остался на улицах, привлекает прохо-

дящая процессия в составе рабовладельца и трех принадлежащих ему жалких созданий, от которых разит смертью. Сперва они видят пускающего слюни и стонущего мальчишку, один глаз которого открыт, а второй намертво залит гноем. После замечают оскверненного человека с протекающим мертвым щупальцем. Всем понятно, что и сам он долго не протянет. А третье – убогого вида существо, искаженное мутацией, с растущими из всех возможных мест рогами и хвостами и вторым туловищем, отросшим над спиной и милосердно укрытым от чужих глаз. Оно еле движется, каждый шаг дается с трудом.

Очевидцы поспешно отворачиваются.

Машины прекращают работу, их свет больше не нужен. Вердигрис замирает. Он все еще не во власти Нелюди, но изменения уже ощущаются, воздух насыщен Стремным временем.

Оставшаяся одна на улице, группа продолжает идти. Никто не издает ни звука, кроме мальчика, который воет, будто под пыткой.

Обветшалые здания устало клонятся друг к другу, образуя арки. Местами они обрушились и перекрыли улицы, вынуждая прокладывать новые пути. Дома превращаются в проходы, окна становятся дверьми. В свою очередь груды развалин наполняются жизнью. Между обломками снуют рукотвари, сражаясь за место с вездесущими оскверненными крысами.

Здесь группа останавливается. Мальчишка снова начина-

ет вопить, и жирный ком слизи падает на землю.

– И чего ты орешь, парень?

Окруженный гноем глаз открывается, моргает.

– Ты сказал мне, что я умираю, пап, вот я и издаю звуки умирания.

– Эй! Эззи сказал тебе выглядеть больным, и зачем Эззи так сказал?

– Чтобы мы всех обманули?

Отцовская рука хлещет мальчишке по уху.

– Ой!

– Именно! Это было нужно, чтобы на нас не смотрели. А весь этот шум вызывает у людей интерес, заставляет их нас запомнить. А если бы они пригляделись, то поняли бы, что ты не заразный, а больной только на голову! – Эззи пропиливает сыну по уху еще раз.

– О-ой! За что ты меня опять ударил? Ты всегда меня бьешь. Это нечестно!

– Будь благодарен, что у тебя остались уши, по которым бить можно. Твоя тетя же была глупая?

– Да.

– И Эззи интересно, где же теперь тетя маленького Эза?

– Ее забрали.

– Именно! Ее увезли в плодильные ямы Слейка, и больше мы ее не увидим.

Эззи оборачивается к Страннику.

– На самом деле это по-своему милосердно, но... – Тор-

говец продолжает, снова переключая внимание на надувшего сына: – Она тупая, а это хуже, чем мертвая. Так что Эззи из тебя всю дурость выбьет, а ты будешь за это Эззи благодарен, да?

– Да. Спасибо, папа.

– Так-то лучше.

– А теперь иди сотри с себя этот гной и не забудь собрать его обратно в банку для следующего раза.

– Да, папа.

– Дома увидимся.

– Да, папа. – И мальчишка их оставляет.

– Хороший он парень, но глупый, очень глупый. Пошел скорее в тетю, чем в мать, но Эззи полагает, что тебе не больно-то интересна эта история. Итак, мы пришли, и наш договор исполнен.

Странник проводит взглядом слева направо, замечая вокруг только пустые улицы и дома.

– Интересуешься, где же наши друзья, да? Конечно, конечно. Доверься мне, друг, они придут. Стало быть, Эззи сейчас тебя покинет.

Странник раскрывает рот, готовясь возразить.

– Все расставания в Вердигрисе столь скоры, да? Но Эззи пора идти. Щупальце оставь себе. Быть может, оно будет напоминать тебе о нашей дружбе! – Меняла быстро удаляется. – Пусть все твои любовницы будут нежны, а пути их никогда не пересекутся, ха-ха!

Пока восходят солнца, бродяга переглядывается с козой. Стремное время настало. Двери закрываются, вывески переворачиваются, двери открываются – вдалеке слышатся звуки первых па дневного танца Вердигриса.

Из разрушенного здания показываются фигуры в одеждах, посеревших от тяжелой жизни и оттого напоминающих униформы. Рост делает эту группу приметной. Мужчина и женщина возвышаются над остальными. Подростки, мускулистые полукровки, покрытые позеленевшими шрамами – характерной для потомков демонов меткой, позволяющей отследить их родословную до Узурпатора. Клоки торчащих волос украшают их головы, точно черные флаги на изрытой дырами карте. Другой мужчина, нормального роста, уродливый и кривой, держит в руке пистолет. И целится бродяге в голову. Последняя – крохотная женщина, немногим больше метра высотой, рот ее не в состоянии вместить крысиные зубы.

Взмахом пистолета Страннику приказывают следовать за ними. Он поневоле соглашается. Чьи-то огромные руки отнимают у него поводок, и весь отряд возвращается в темноту. На мгновение коза сопротивляется, но следует резкий рывок поводка, и она отправляется в полет за остальными, словно пушистый воздушный шар, наполненный ненавистью.

Под землей все берутся за руки цепочкой, уводя Странника вниз, вглубь, через неосвещенные здания, следом через ступени и тоннели, по пути, который крысолюдка отыс-

кивает в темноте. Здоровяки не единожды задевают скальную породу головами, после чего раздражаются потоками ругательств, не смолкающими, пока на них не шикнут.

Бродягу ведут дальше, туда, где насквозь пробирает холод. Найденные по дороге обломки и предметы поднимают и переносят, создавая препятствия для тех, кто мог бы следовать за группой. Факел сияет желтым, переработанный свет солнца играет на дуле пистолета. Страннику тычут оружием прямо в глаза, вынуждая его щуриться.

– Что мы с ним делать будем? – бормочет невпечатленный парень из потомков Узурпатора.

Другая полукровка пожимает плечами.

– Может, на органы сгодится.

– На органы? – звучит третий голос, принадлежащий стрелку. – У нас тут действительно крутой парень. По крайней мере лучше бы ему таким оказаться. Мы точно достаточно заплатили, чтобы его заполучить.

Свет и голос становятся еще ближе.

– Я понимаю, о чем ты, но мы свои затраты отобьем, так или иначе.

Прищур Странника переходит в угрюмый взгляд. Под мантией он сжимает кулаки.

– Проверьте его, – приказывает голос из-за оружия.

Один из громадных полукровок удерживает бродягу, пока крысолюдка обнюхивает его, пробираясь костлявыми руками под мантию. Он жестко ее отталкивает, и женщина спо-

тыкается о камень. Из-под ее мантии доносится тихая жалоба. Странник поворачивается, закрывая младенца от оружия своим телом.

– Попробуешь сделать так еще раз, приятель, и я в тебя пулю засажу. Если повезет, карапуза она не заденет.

Странник широко раскрывает глаза, несмотря на резкий свет.

– Да, ты меня слышал. Мы знаем про ребенка, которого ты носишь. Что, думал, можешь спрятать эту верещащую малявку в доме, а хозяин ничего не заметит? – Стрелок хмыкает. – Так что давай ее сюда, а заодно и все оружие, и тогда мы все сможем притвориться друзьями.

Он качает головой. Глаза снова выискивают меч, но он все еще прицеплен к козе и бесполезен.

– На тот случай, если ты простоват или типа того – это не просьба.

Со Странника срывают мантию и оборачивают ею щупальце – так за него можно будет схватиться и попытаться отодрать. Крысолюдка тянется к бродяге, чтобы забрать ребенка, но он вновь ее отталкивает.

– О, ради всего... Макси, заставь нашего друга сотрудничать.

Массивная рука обхватывает и сдавливает бродяге шею. Он тянет за нее, пинается и выворачивается, пока нехватка воздуха не лишает его сил. Следом ребенок выскальзывает из обмякших рук и начинает кричать. Глаза у Странника по-

дергиваются, но сам он не движется. Его снова обыскивают, на сей раз не встречая сопротивления.

Полукровка перекидывает его через плечо, пока они проходят последние несколько поворотов.

– Я думала, ты его пристрелишь.

– Заткнись, Макси!

Как только они заходят в помещение, путь за ними запечатывается, камень скрежещет о камень, укладываемый подъемными блоками и множеством рук. Стены украшены замысловатым резным орнаментом, но освещение в зале сломано, драгоценные камни из него украдены, и сам он стал эхом эха своей былой красоты. Вместо самоцветов установлены сущностные лампы, открытие Нелюди, превращающее души в топливо. Их пламя, укрытое перевернутыми чашами, горит зеленым; его неестественное сияние, яркое, но холодное, освещает множество застывших в ожидании лиц.

Хрипящего Странника бросают на пол.

Вперед выходит однорукая женщина, с лицом, расписанным татуировками весьма агрессивного облика. Остальные расступаются перед ней.

– Здравствуй, – произносит она тихим по сравнению с криком малыша голосом. – Я надеюсь, они не были с тобой слишком грубы.

Она наклоняет голову, внимательно осматривая бродягу.

– Мне жаль, если были. Эти времена всех нас превращают в чудовищ. Мне сказали, что ты не разговариваешь, а вот

слышишь хорошо.

Глаза Странника раскрываются во всю ширину. На миг он изумленно смотрит на нее, а затем переводит взгляд на малыша.

Женщина взмахом подзывает человека, который забирает ребенка у крысолюдки. Странник изучает его. Он одет так же бледно, как и все остальные, а глаза его зелены, как огни в зале. Он колеблется, глядит вниз, шепчет что-то. Крики младенца утихают до назойливого хныканья.

– А теперь нам с тобой пришло время поговорить. Но для начала позволь мне представиться и познакомить тебя с людьми. Меня здесь называют Жестокая Судьба, для краткости Жесть. Если мы поладим, я, может, даже скажу тебе однажды свое настоящее имя, но, судя по выражению твоего лица, я бы особо не обольщалась. Имена здесь важны, это едва ли не все, что у нас осталось. Я расскажу, как я получила свое, чтобы ты понимал, с каким человеком имеешь дело.

Мои родители были из крупнейших в Вердигрисе воротил. И поверь мне, они были сильны. Они всегда говорили мне: «Оставайся верна себе, не важно, какой ценой, а стоит чуть отступить, и ты уже мертва». – Жестокая Судьба вздыхает. – Так что когда Вердигрис захватили Узурпатор и Нелюдь, а моих добрых людей пустили на одежду для демонов, обосновавшихся в моем доме, я обнаружила, что этому совету больно тяжело следовать. Но я последовала. По ходу дела встретила хороших людей, которые поступали так же.

В те дни мы много сражались и много умирали. Я вот руку потеряла. Ладно, это не совсем правда. Я точно знаю, где она, храню ее в комодке в задней комнате. Она все еще шевелится, даже сейчас. Я сама проклятую хреновину отрезала. Или так, или пришлось бы уступить мое тело скверне, и, не в обиду всем присутствующим, отдала я уже достаточно.

Коза зевает.

– Довольно обо мне. – Жестокая Судьба указывает на стрелка. – Это Честный Джо. На самом деле его зовут не Джо, да и не больно-то он и честный, но прозвище к нему прицепилось. Зато он умеет выживать и доказывает, что интеллект может сделать человека привлекательным.

– Эй! – перекрикивает смех Джо.

– Миниатюрную даму, которая помогла вам найти путь в темноте, зовут Тина, а близнецы – Макс и Макси, полностью выросшие полукровки, лоялисты первого поколения. Обычно они довольно тихие, если относиться к ним с уважением и никогда их не путать. – Жестокая Судьба указывает на остальных. – Здесь много народа, с которым ты еще не повстречался, но я хочу, чтобы ты понимал: у каждого из этих людей, решительных людей, есть свое имя и своя история. Они все достойные; как оказалось, скверна не всегда сводит с ума, просто становится чуть сложнее пользоваться разумом.

Я надеюсь, что ты поможешь нам, потому что ты действительно такой добросердечный рыцарь прямиком из прошлого, но если знать о нас и о нашей борьбе тебе недостаточно,

то буду с тобой откровенна: ты поможешь нам, а мы поможем тебе убраться из Вердигриса, как ты и хотел. Откажешься – и мы заберем все твои вещи, а заодно получим награду, которую только что назначили за твою голову. Понял?

Странник кивает.

– Это хорошо, – Жестокая Судьба улыбается и кладет руку ему на плечо. – Но хватит о нас. Теперь поговорим о том, что тебе предстоит сделать. Ходят слухи, что равновесие сил в Вердигрисе нарушено, ситуация оборачивается против Узурпатора, и нам нужно, чтобы этого не произошло.

Странник бросает взгляд на гигантских близнецов из рода Узурпатора и обратно на нее.

– Нет, наследие Макса и Макси тут совершенно ни при чем. Это вопрос выживания. Будь подорвана власть Нелюди, было бы так же плохо. В сложившихся обстоятельствах мы не можем надеяться на победу в войне, но под землей, среди трещин, можем пережить их войну. Мы так делаем уже многие годы. Такая жизнь не прельщает, но это лучше, чем быть мертвым. Суть в том, что нам нужно, чтобы они сосредоточились друг на друге, а не обратили внимание на нас.

Лицо бродяги выражает безразличие.

– В руинах в центре города есть тайный склад с комплектом оружия высшего класса, доставленным прямо перед оккупацией. Его должны были отправить на юг для военных нужд, но к тому моменту, как его привезли, война уже закончилась. Мы можем использовать его огневую мощь, чтобы

усилить наши позиции и ударить по агентам Нелюди. Единственная беда состоит в том, что мы не можем добраться до него, не привлекая ненужного внимания. — Жесть позволяет своей руке соскользнуть с плеча Странника. — Нам нужно, чтобы ты отвлек их от нас, чтобы мы могли пробраться на склад и забрать оружие. Так сложилось, что сегодня вербовщик Лоскутника проводит собрание в городе. Омерзительная тварь, причем буквально.

Кто-то из собравшихся в зале бормочет что-то в знак согласия.

— Ты убьешь его и столько его рекрутов-предателей, сколько сможешь. Пусть лучше сдохнут, чем будут сражаться в новой армии Нелюди. Мы проведем тебя прямо к нужному месту, так что никто о тебе не узнает, пока не будет слишком поздно. Ты появишься, нанесешь тяжелый и быстрый удар, а потом уберешься из Вердигриса ко всем чертям. Мы устроим так, что северные ворота будут для тебя открыты, и поможем до них добраться. А после ты сам по себе.

Нахмутив брови, Странник указывает на младенца, лепечущего на руках у зеленоглазого.

— Я распоряжусь, чтобы Вред доставил ребенка и твои вещи к северным воротам. Сделаешь все как надо, и они будут тебя ждать.

Зеленоглазый не сводит глаз с малыша, нашептывая слова печали, вины и стыда.

— Договорились? — спрашивает Жестокая Судьба.

Странник закрывает глаза и кивает.

– Хорошо. Джо, верни нашему человеку его меч.

Отвязанная коза беспрепятственно обливает пол. С ее спины снимают связку прутьев. Среди них лежит беспокойный меч. Джо к нему не притрагивается. Бродяга подходит и подбирает клинок, оставляя его в ножнах.

– Похоже, нас ждет напряженный день, – говорит Жестокая Судьба. – Удачи. Если все пройдет хорошо, мы друг друга больше не увидим.

Она кивает, завершая встречу, и поворачивается к своим людям.

Странник наблюдает за малышом, пока его силком не выводят из зала.

Глава 11

На площади полно людей и мух, одинаково изнывающих от жары. Стремное время в самом разгаре, и солнца стоят высоко, одаривая каждого зрителя двумя наползающими друг на друга неидеальными тенями, что вечно пытаются слиться воедино.

На ржавой железной плите стоит нечто, прежде бывшее человеком. Как и многие из сотворенных Нелюдью, он закутан в мантию, скрывающую кошмарность его воссоздания. Он привлек к службе многих, чем порадовал Лоскутника, своего герцога и хозяина. В награду его доработали, сделав частично инферналом, частично человеком. Из-под его мантии выдается все еще узнаваемо-человеческая и ничем не примечательная до запястья рука, но вместо кисти она увенчана головой старой женщины. Хотя кожа на лице почернела и сморщилась, люди с легкостью узнают его черты. Когда-то оно принадлежало их правительнице.

Толпу этот вид больше не тревожит, все только испытывают облегчение оттого, что вербовщик не показал другую руку.

Сухожилия натягиваются, и старушечьи челюсти начинают двигаться, словно омерзительная перчаточная кукла.

Толпа слушает вербовщика, некоторых удерживает страх, других – *извращенная* надежда. Только один человек про-

скальзывает между неподвижными фигурами, подбираясь ближе к говорящему. Его рука вцепилась в рукоять жаждущего откликнуться на зов меча.

Шестой Рыцарь Нефрита и Пепла возвращается, присоединяясь к остальным в темноте. Все они соприкасаются головами с командиром, и их сущности сплетаются в металлическом круге.

– Докладывайте.

– Ничего. Ничего. Лоскутник вернулся в город с новой целью. Ничего. Злость снова проявила себя. Мы слабеем?

– Где?

– Мы будем сражаться? Мы будем сражаться? Мы будем сражаться? Мы можем сражаться? В центре Вердигриса она выслеживает глашатая Лоскутника. Нас постигнет участь Седьмого?

– Нет. Пусть Злость низвергнется на наших врагов, пусть ее острие затупится об марионеток противницы. Тогда мы вступим в бой и победим. А пока будем наблюдать.

Командир пытается разорвать круг, но обеспокоенно останавливается.

– Что это было?

– Ничего. Ничего. Ничего. Седьмой обратился в пустоту, и зияющая на его месте рана кровоточит через нас. Злость покончит с нами. Злость покончит с нами.

– Довольно. Мы наблюдаем.

Завершив контакт, командир удаляется. Рыцари выстраиваются у него за спиной.

На проржавевшей плите лежит дымящаяся мантия. Под ней с шипением сгорает плоть.

Убрав меч в ножны, Странник мчится через площадь на север.

Никто из свидетелей расправы не представляет, что теперь делать, и инстинкты берут над ними верх. Люди рвутся из стороны в сторону, врезаются друг в друга, ворчат и вскрикивают. Все расступаются перед бродягой, не желая к нему приближаться.

Тина выглядывает из ближайшей двери, ее розовые глаза широко раскрыты. Она подзывает его, указывая путь через многочисленные безлюдные комнаты. Постели и пожитки борются за пространство, и под подошвами проходящих маленькие истории, стоящие за каждой из вещей, беспорядочно смешиваются, сливаясь в единый бессвязный и бессмысленный рассказ. Они добираются до котла отопления, вытянувшегося от пола до потолка. Тина ныряет за него и оказывается в тоннеле внизу. Пока бродяга протискивается следом за ней, он изгваздывает плащ полосами ржавчины.

Рука об руку они пробираются сквозь темноту, и Странник по дороге спотыкается за двоих.

Они выбирают на тихую улицу на северном краю Вердигриса. Тина отказывается покидать безопасный тоннель.

– Дальше я ни шагу, – шепелявит она сквозь изогнутые зубы. – Иди один.

Странник качает головой, но она уже отходит назад, пытаясь высвободить костлявые пальцы из хватки.

Странник крепче сжимает Тине ладонь и выходит наружу, вынуждая ее следовать за собой. Она протестует, закрывая лицо свободной рукой.

Прохожий в конце улицы оборачивается, видит эту пару и отводит взгляд с отточенным безразличием, скрывая обеспокоенность.

Тина определяется и снова ведет бродягу, показывая ему, как и было обещано, открытые и неохраняемые ворота.

Странник и крысолюдка проходят через них и оказываются во владениях Нелюди. Слева и справа вырисовываются горы, истерзанные и могучие, будто утомленные воины. Путь впереди свободен.

Тина с удивлением подергивает носом.

Глаза Странника сужаются. Он оглядывает городские стены по обеим сторонам. Между грудями мусора, усеявшими границы Вердигриса по всей длине, мечутся какие-то мелкие существа, но в остальном все тихо. Коза не жует. Малыш не плачет.

– Вот дерьмо, – говорит Тина, выкручиваясь из захвата.

Странник оборачивается и видит, как она, опустив голову, убегает обратно по дороге, которой они шли. Его губы шевелятся в безмолвном проклятии, и в следующий миг он

возвращается в город и пускается в погоню.

Они проносятся через улицу, Тина нацеливается на ближайший вход в подземелье, бродяга сокращает расстояние. Он настигает крысолюдку в тот миг, когда она ныряет в окно, ее миниатюрное тело с легкостью проходит через разбитое пласте́кло.

Странник хватает Тину в полете, цепляя ее за щиколотку, и тянет вниз, на ощерившуюся осколками оконную раму. Он выпускает ее, и по инерции ногу крысолюдки протаскивает по синтетическим зубам от бедра до кончиков пальцев. Она неуклюже падает на пол, вереща как ребенок, но не останавливается и скрывается в темных внутренностях здания.

Опираясь на стену, Странник останавливается, чтобы перевести дыхание. Десять вдохов спустя оно замедляется. Он достает меч, который мягко гудит, пробуя воздух на вкус, а затем касается его острием только что замаранного окна. Оскверненная кровь вспыхивает и выгорает с шипением.

Он пробирается внутрь здания и входит в тоннель, оставляя дневной свет позади. Меч дергается в руке, направляя его вниз и направо; вновь вспышка, вновь шипение, и бродяга продвигается вперед, ведомый сквозь тьму, от капли к капле.

Рыцари Нефрита и Пепла, рассредоточенные по северной части города, выжидают, их высоко поднятые мечи тихо стоят.

Только их командир медленно оборачивается, обеспокоенный возникшим затруднением. Каким-то образом обладатель Злости от них ускользнул, и теперь рыцари оказались на виду и не чувствуют своей цели. И если враги обнаружат их в Стремное время, то начнется война.

Солнца начинают по дуге клониться к закату.

Мечи рыцарей вздрагивают от доносящегося издалека звука. Злость снова проявила себя. Командир дерзко вышагивает по улицам, сосредоточенный на пути к ней, по дороге собирая своих воинов.

Кто-то выкрикивает незнакомым голосом из переулка: «Ни с места!»

Командир останавливается, и дорогу ему перегораживают облаченные в мантии фигуры. В них есть нечто неправильное. Исковерканная сущность просачивается из тел людей в пришитые к ним мешки мертвой плоти. Что за безумие сотворила Нелюдь? Что это за не-существа?

– Вы нарушаете договор, – говорит Полуживой. – Это владения Нелюди. Немедленно возвращайтесь в свое логово до наступления Темного времени! Уйдете сейчас, и мы только потребуем возмещения. Откажетесь подчиниться, и Лоскутник покончит с вами!

Рыцари ждут своего командира. Приказы хозяина понятны, но действительно ли нужно избегать войны? Это извращенное несущество говорит правду, они виновны и должны вернуться в укрытие. Но командир не отступает.

– Даю последнее предупреждение.

Командир знает, что они должны ретироваться, даже желает этого, но Злость слишком близко. Оставленная ей первая рана пылает, и приходят воспоминания об утраченных величии и единении.

Порождение Нелюди говорит тихо, его слова доплывают до командира. Только тот не слушает и заносит копьё.

Рыцари все понимают и окружают несущих.

Встревоженные резким нападением полуживые слуги Нелюди поднимают вой и сбрасывают мантии, обнажая безумно искаженные экстремальной хирургией тела с пересаженными и оживленными мертвыми конечностями, переработанными родными частями тел, измененными суставами, заново наращенными мышцами. Такие доработки Нелюдь дарует за службу.

Командир крепче сжимает копьё и орошает их всех жидким пламенем.

Полуживые воют от боли, яростно размахивая пылающими конечностями в попытках их отбросить, и стараются пробиться ближе к командиру. Прежде чем им удастся достать до цели, рыцари выступают вперед, сужая круг, и разрубают молотящие по воздуху придатки. Когда воины отшагивают, с копья командира разливаются сгустки огня. Между залпами рыцари снова сближаются, отсекая от противников очередной слой плоти, точно снимая шелуху с луковицы. Все это время их мечи еле слышно стенают, прорываясь сквозь

полыхающие тела.

Когда последние Полуживые прислужники Нелюди падают замертво, рыцари обходят тела убитых, убеждаясь, что ни в одной их части действительно не осталось жизни.

Затем они останавливаются, впадая в размышления, пока снова не слышат доносящийся с севера шепот Злости, волнующий, заставляющий двинуться в путь.

Вскоре Лоскутник обнаружит резню, и начнется война. Невзирая на голос инстинкта, командир не возражает.

Через подземелье Вердигриса проходят двое мужчин. У одного из них зеленые глаза, он несет ноющего младенца, другой вооружен пистолетом и тащит вперед козу.

– Джо? – тихо говорит первый.

– А?

– Что-то не так.

– Ну да, нынче все не так, – Джо хмыкает. – Или ты говоришь о чем-то конкретном?

– Мы сейчас уже должны были быть у северного прохода.

– Не, я просто проявляю излишнюю осторожность, мы идем другой дорогой.

Зеленоглазый мрачнеет, и малыш смеется как старик, отвлекая его внимание.

– Да, тебе это нравится, правда, кроха?

– Вред, ты знаешь, что он ни слова, что ты сказал, не понимает? Это же младенец.

Зеленоглазый останавливается.

– Ты идешь не к северному проходу.

Джо оглядывается через плечо, гневно выплевывая слова.

– Сказал же, мы просто идем по другой дороге, сделаем небольшой крюк, зато здесь безопаснее.

– Да, сказал, только это ложь.

Наступает неловкий, напряженный момент. Джо касается пальцами рукояти пистолета.

– Это нам чем-то помешает, Безвред?

– Посмотрим по обстоятельствам, – мягко отвечает Вред. – Так куда мы идем?

– Мы идем сколачивать состояние! – Зубы Джо сверкают в свете факела. – Нам на рынок. Я уже все продумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.